

Александр Калмыков

А ТЕПЕРЬ НА ЗАПАД

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Александр Калмыков

А теперь на Запад

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Калмыков А. В.

А теперь на Запад / А. В. Калмыков — «АСТ», 2018 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-106935-3

Батальон, в котором служит Соколов, направляют на второстепенный участок фронта, роту попутанца приказано держать в тылу и ни в коем случае не пускать на передовую. Однако судьба распорядится иначе, ведь за ним охотятся все разведки мира, а немецкое командование уничтожает всех свидетелей, знавших о русском госте из будущего. Сложный клубок противостояния разведок и контрразведки, где центром притяжения является Соколов. Да и на фронте дело поворачивается так, что батальон попадает в окружение...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-106935-3

© Калмыков А. В., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава 1	14
Глава 2	27
Глава 3	42
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Александр Калмыков

А теперь на Запад

© Александр Калмыков, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Пролог

Лейтенант Эрих Браун не без оснований считал себя везучим человеком. Удача сопровождала его с самого рождения, так как мальчику повезло появиться на свет в обеспеченной семье. Очень тяжелые для Германии двадцатые годы пролетели для Эриха весело и беззаботно, а среднее образование он смог получить очень даже неплохое. Потом, когда его призвали на военную службу, Браун вызвался добровольцем в соискатели звания офицера резерва. Срок службы от этого почти не увеличился, зато Браун занял командную должность, достойную отпрыска из хорошей семьи.

Когда в 1939 году Гитлер без труда проглотил Польшу, западные страны забились в норы, как мыши, и возмущенно пищали оттуда, не смея высунуть носа. Стало ясно, что нарождается новая великая империя, лучшие места в которой займут те, кто ее создавал. Сообразив, куда дует ветер, Браун бросил университет, в котором успел проучиться только два курса, и поступил на военную службу. Его расчет оказался верным. Германская армия провела ряд молниеносных и очень успешных войн, и офицеры, участвовавшие в них с самого начала, могли рассчитывать на повышение. Ну а всем остальным от военной службы все равно было не увильнуть.

Все так и получилось, как он рассчитывал. Правда, молодой лейтенант попал во второсортную 256-ю дивизию, сформированную из подразделений дополнительного призыва. Она была укомплектована солдатами старшего возраста – от тридцати до сорока лет, и предназначалась для гарнизонной службы. Но тем не менее даже воинское соединение с великовозрастными призывниками оказалось очень скоро востребовано. В 1940 году Браун вместе со своей дивизией совершил увлекательное путешествие по Голландии и Франции. Ну, а получивших боевой опыт солдат уже гарантированно посылали на фронт в первых рядах, а там для храбрых всегда имелась возможность отличиться.

Впрочем, подвиги Брауна не очень привлекали. Хотя трусом он не был, но ему было важнее дожить до окончательной победы, чтобы насладиться ее плодами. Поэтому, получив предложение стать заместителем адъютанта батальона, он ни секунды не колебался. Это не должность, а мечта для молодого карьериста. Командир, который может по достоинству оценить твоё старание, всегда рядом, а в атаку ходить не нужно. Время от времени приходится немного рисковать, выполняя поручения на передовой, но начальство своевременно узнает об этом и мысленно ставит исполнителю и отважному подчиненному еще один плюсики. А уже через год командующий дивизией перевел подающего надежды лейтенанта в свою штабную роту.

Так что можно сказать, что жизнь удалась. А останься он в университете, то студента Эриха все равно бы призвали, не дав доучиться. Только пришлось бы тогда Брауну довольствоваться вторыми ролями. Впрочем, это еще не самое плохое. Гораздо хуже, если бы он попал в несчастную 102-ю дивизию, сформированную как раз в его родном Бреслау.

Что там с ней случилось, достоверно было неизвестно. Из всего штаба удалось спастись только картографическому отделению и паре человек из взвода военной полиции, которым повезло оказаться далеко от места прорыва русских. Насколько удалось выяснить, часть штабного персонала погибла во время артобстрела, после которого никто не уцелел. Другие служащие штабной роты отправились подготавливать новый командный пункт, но попали в окружение и, скорее всего, захвачены в плен. И еще неизвестно, чья судьба была страшнее, погибших или пленных.

* * *

Еще раз судьба улыбнулась Эриху, когда в штаб дивизии пришел запрос о наличии офицеров, владеющих английским языком. Приняв решение о проведении переговоров, командующий не стал тратить время на поиски хорошего лингвиста и послал лейтенанта, который имелся у него под рукой.

После освобождения трехсот пленных, в основном солдат из недавно разгромленной 251-й дивизии, лейтенанта вызвали к командующему корпусом генералу Шуберту для вручения награды. Особой заслуги в том, что он сделал, Браун не видел и потому решил, что речь идет о кресте «За военные заслуги» 2-го класса, который в Германии раздавали буквально кому попало – от маленьких детей до пожилых старушек. Максимум же, на что переводчик мог рассчитывать, это на получение ордена «За военные заслуги» с мечами 1-го класса. Он полагался тыловикам, проявившим похвальное служебное мужество и рвение. Однако генерал торжественно вручил обалдевшему лейтенанту «Железный крест». Эта награда была боевой, за храбрость и героизм, и просто так ее не давали.

В чем тут дело, сослуживцы долго не гадали. Наверняка среди спасенных пленных был родственник какой-нибудь высокопоставленной «шишки», донельзя обрадованной тем, что его чадо осталось в живых. Ведь вполне вероятно, что он мог погибнуть в ужасной Сибири, куда, как известно, ссылают пленных. Впрочем, самого лейтенанта никто не упрекал. Да и какие могут быть претензии, ведь чтобы отправиться прямо в пасть к комиссарам, надо иметь немалое мужество.

Впрочем, большинство выживших офицеров дивизии тоже получили награды. В отличие от других участков фронта, где соединения вермахта преследовали неудачи, здесь дела обстояли более-менее успешно. По крайней мере, была выполнена задача-минимум, а именно сорвано наступление большевиков на Великие Луки. О том, что вражескую группировку вообще-то требовалось окружить, уже не вспоминали. Да, такой приказ получали, но там было ясно сказано, что наступление проводить во взаимодействии с соединениями группы армий «Север». А раз фон Лееб не смог предоставить для операции ни одного полка, то тут уже ничего не поделаешь. Тот факт, что от Лееба требовалось продвинуться на юг всего на десять километров, а остальные сорок километров навстречу ему должны были пройти дивизии группы «Центр», было мелочью, не стоившей обсуждения. Да и сами посудите, ведь в Торопецком выступе находилось три армии красных. Только подумайте, целых три армии. Ну пусть не целые, но во всяком случае половина 29-й, большая часть 22-й и вновь сформированная 4-я. Неудивительно, что они легко смогли остановить наступление, ведь против них бросили только две германские дивизии. Впрочем, в последнее время начальник штаба начинал морщиться, когда в его присутствии упоминали о 4-й армии русских, и почему-то переводил разговор на другую тему.

Еще одна удача, выпавшая Эриху, это то, что, несмотря на канун наступления, он получил двухнедельный отпуск. Сполна оценить свое везение Браун смог, когда вернулся обратно уже после окончания боев.

Потери дивизии по меркам вермахта, избалованного легкой прогулкой по Европе, были не просто большими, а просто жуткими. В основном, конечно, их несли боевые подразделения, но и тыловикам тоже доставалось от советской артиллерии. Хорошо еще, что основную тяжесть боев приняла на себя 5-я танковая дивизия. Там количество убитых и раненых составляло больше половины личного состава.

О том, что происходило в его отсутствие, Брауну круглыми от ужаса глазами рассказали сослуживцы. Впрочем, проезжая по местам недавних сражений, он и сам видел многочисленные линии окопов, доведенные до состояния лунного пейзажа. Почти у каждой такой изуродо-

ванной траншеи находилось кладбище, усеянное свежими крестами с нахлобученными на них немецкими касками. Другие захоронения, поменьше, располагались там, где тыловые части были внезапно застигнуты артиллерийским огнем. К счастью, таких было не очень много. Разведка и служба корректировки у русских были налажены из рук вон плохо, а немногочисленные бомбардировщики появлялись редко. Но все-таки, каждый раз проезжая мимо свежих могил, лейтенант вспоминал о своем везении. Если бы его тогда не послали на переговоры, то вполне возможно, он получил бы не железный крест, а березовый.

Жаль, правда, что домой лейтенанту попасть так и не удалось. Но это еще как посмотреть. Чтобы совместить приятное с полезным, Брауну поручили передать пакет с документами в Берлин, а затем остаться там до конца отпуска.

Единственное, что несколько омрачало пребывание в блистательной столице рейха, это частые «беседы» в абвере. Разговаривал с ним каждый раз один и тот же майор – очень вежливый, но с неизменной злой улыбкой, не сходявшей с лица. Тема для беседы была всегда одна и та же, а именно: как выглядел тот русский офицер, каким тоном он говорил и что именно. Это сначала удивляло Брауна, ведь он уже обо всем рассказывал, а теперь, спустя несколько дней, воспоминания уже поблекли. Но допрос велся в высшей степени профессионально, и лейтенант смог припомнить столько подробностей, что даже сам удивлялся своей необычной памяти.

За плодотворное сотрудничество и в качестве компенсации за потерянное время Брауну вручили великолепные подарки, которыми он сейчас щедро делился с сослуживцами. Эрих привез из столицы не только приятно позвякивающий портфель с ароматной продукцией французских виноделов, но и кое-что более ценное. Натуральный кофе, то ли из довоенных запасов, то ли контрабандный, котиrowался сейчас гораздо выше любых напитков.

* * *

Вернувшись к месту службы и узнав, какой ценой досталось продвижение на два десятка километров, Эрих пребывал в шоке. В газетах происходящее на фронте описывалось в самых радужных тонах – враг бежит, русские толпами сдаются в плен, а трофеи не успевают подсчитывать. А тут, оказывается, была настоящая бойня. Заходившие по служебным делам или просто на чашечку кофе офицеры, а также унтеры, с которыми демократичный Браун не чурался общаться на равных, поведали душераздирающие подробности кошмарного наступления.

Больше всего выжившие в этом аду любили рассказывать об ужасном танковом прорыве, случившемся в «пятницу тринадцатого». Когда лейтенант вежливо указывал на календарь, где 13 сентября значилось субботой, доморощенные нумерологи, вдруг ставшие на этой неправильной войне очень суеверными, снисходительно объясняли, что это еще хуже. В ту страшную ночь русские начали контратаку как раз в полночь, когда пятницу сменяет тринадцатое число. Сначала все шло хорошо, но потом из оврага, заполненного непроходимой грязью, вдруг вынырнуло не меньше десятка новейших советских танков, которые стали обстреливать наступающих с фланга. Хорошо еще, что наши успели вовремя выставить дымовую завесу, только это и спасло остатки атакующих. Но и потом самые неугомонные русские, пользуясь темнотой, подъезжали к немецким позициям и, зацепив тросами уцелевшие пантеры, утаскивали их к себе в тыл вместе со всем экипажем. Самое ужасное, что броня у вражеских машин была совершенно неуязвимой, и ее не могли пробить даже гаубичные снаряды.

Впрочем, один из собеседников Брауна – лейтенант Эйзель, служивший в артиллерийском полку, снисходительно посмеялся над этими сказками.

– Уже давно замечено, что при прорыве русских танков их количество преувеличивают раза в два или три. Так что максимум, что там было – это четыре «пантера». Да сами посудите, будь у Советов на этом участке десятков новейших машин, они бы раскатали нас в тонкую

лепешку. Ну, во всяком случае, постарались бы это сделать, и тогда у наших окопов осталось бы гореть несколько вражеских танков.

Уважительно кивая собеседнику, Браун спросил, правда ли, что броню Т-34 не берет даже гаубичный снаряд.

– Конечно, не берет, – весело фыркнул Эйзель, едва не разлив при этом драгоценный кофе. – Ведь чтобы пробить броню, надо сначала в нее попасть. А из гаубицы, стреляющей с закрытой позиции, сделать это практически невозможно. Вот если бы танки прорвались через передовую и подъехали к ним поближе, то прямой наводкой тяжелые орудия разметали бы их в клочья. К слову, русские это нам несколько раз продемонстрировали. Их гаубицы, лупившие по танкам, показали неплохую результативность. Кстати, в том числе и трофейные 105-мм.

– Откуда они их взяли? – ужаснулся Браун.

– То есть как откуда? – удивился артиллерист. – От 102-й пехотной ничего не осталось, да и 251-я дивизия бежала, сверкая пятками. Как вы думаете, куда подевалось все их вооружение?

– Но как же... но ведь нам же объявили, что наши солдаты держались до последнего, пока не были эвакуированы раненые и вся техника.

– Ну, скажем, раненых вы сами и эвакуировали из советского плена. Нетрудно догадаться, что если там не смогли вовремя вывезти в тыл людей, то что уж говорить о тяжелой артиллерии.

Еще одной любимой темой для разговоров была «дорога в бездну». Якобы самый обычный на вид асфальт оказался коварной ловушкой, и заехавшая на него автоколонна вдруг рухнула в бездонную трясины. Правда, никто из собеседников не был очевидцем этого события, но Брауна ознакомили с циркуляром, предписывающим на всех незнакомых дорогах проверять прочность дорожного полотна. Однажды он даже увидел, как саперы, идущие перед колонной тягачей с орудиями, не только обшаривают дорогу миноискателями, но и старательно подпрыгивают, чтобы убедиться в отсутствии трясины. Вид у них при этом был виноватый – мол, сами понимаем абсурдность приказа, но приходится его выполнять.

Подробности другой таинственной истории, о зенитном сверхоружии русских, Брауну поведал знакомый из роты обеспечения, которому приходилось взаимодействовать со службой снабжения авиационного полка. Продукты питания поставлялись всем централизованно, но ведь одно дело банальные консервы, и совсем другое свежие яйца, молоко и мясо, которые можно было реквизиовать у местного населения. Снабженцы авиаторов, которых переброшили сюда недавно, еще не освоились в этой местности, и командир дивизии приказал подкормить летчиков, от которых в значительной степени зависело выполнение боевой задачи.

– Ну что, вы выяснили, чем русские смогли подбить наши самолеты? – любопытствовал Браун, подливая собеседнику ароматный кофе.

Интендант нервно оглянулся, хотя за спиной у него находилась стена, и прошептал:

– На самом деле их никто не сбивал.

– Как же так, – не поверил Эрих, – я сам там проезжал и видел разбросанные обломки «юнкеров».

– Дело в том, что они сами упали.

– Как это сами? Все три сразу?

– Ну, честно говоря, русские им немного помогли. После того, как мы заняли эту территорию, представители авиаполка внимательно осмотрели место падения и обнаружили довольно необычные макеты. Там были повозки и пушки, только сделанные не в натуральную величину, а уменьшенные раза в два. Даже имелся тряпичный пони, издавдала похожий на настоящую лошадь.

Лейтенант пару минут обдумывал услышанное, однако все равно не смог понять причин такого самолетопада.

– Послушай, ведь на современных самолетах есть уйма всяких приборов. Я слышал, что «штуки» вообще должны выходить из пикирования автоматически, без участия пилотов.

– Хм, приборы у них действительно есть, и при снижении до высоты пятисот метров раздается предупредительный гудок. Да только ведь опытный летчик больше верит своим глазам, чем ненадежным механизмам. Погода в тот день была ненастная. Видя, что все небо в тучах, летчики уже заранее настроились на то, что давление может упасть, а значит, высотомер покажет неправильное значение.

– Ну хорошо, пилоты были обмануты оптической иллюзией, – согласился Браун. – А почему же все-таки не сработал автомат вывода самолета из пикирования?

– Там есть один маленький нюанс. Во-первых, когда самолеты шли к цели в условиях облачности, то летчики могли заранее и не знать, с какой высоты им придется бомбить, и потому вообще не включили автомат. Ну а самое главное, даже если он включен, то для его активации нужно сначала сбросить бомбы.

– Интересно, и почему же погибшие летчики их не сбросили? Я полагал, что реакция у них должна быть мгновенная. Да и к тому же, насколько я понимаю, освободившись от груза, самолет сможет быстрее подняться.

– С реакцией у них все в порядке, но у пилотов уже выработан рефлекс – сбрасывать бомбы, только тщательно прицелившись. Это артиллеристам хорошо. Если что не так, они разряжают свое орудие выстрелом. Им-то все равно, еще сотни снарядов привезут. А вот «юнкерсам» за новой партией бомб приходится лететь обратно на аэродром, а потом снова проходить сквозь зенитный огонь противника. Чтобы действовать вопреки этой устоявшейся привычке, нужно время, ну хотя бы несколько секунд, для принятия логичного решения. А когда в запасе остались только доли секунды, то тело действует само, по годами отработанной схеме. Но слишком много нужно сделать, чтобы вручную вывести самолет из пикирования – управлять рулем высоты, регулировать сектор газа, открыть шторки радиатора, переключать шаг винта. – Видно было, что общение с авиаторами обогатило лексикон снабженца новыми словами, и теперь он старался блеснуть своей эрудицией. – И замечьте, все это при огромной пятикратной перегрузке. Так что не стоит удивляться, что, не имея запаса высоты, несколько самолетов все-таки врезались в землю.

* * *

Но помимо познавательных бесед, у Брауна еще имелось много других обязанностей. Вот и сейчас содержательный разговор неожиданно пришлось прервать. Лейтенанта попросили сопроводить ящик с важными документами, который требовалось доставить в штаб корпуса. В ту сторону как раз направлялся попутный грузовик.

Поездка была довольно неприятной. Мало того что они ехали вдвоем по лесу, где могли скрываться партизаны, так еще все вокруг было покрыто снегом. В нормальных странах снежок появляется только к Рождеству, а здесь, в дикой России, он выпал уже в октябре. Еще сильнее Эриха раздражал водитель. Какой-то солдат, а смотрит на лейтенанта с наглой ухмылкой, как фельдфебель на новобранца.

Издалека заметив какие-то фигуры, лейтенант, чувствовавший себя неуютно в этом лесу, достал пистолет. Уж больно густые заросли были по сторонам от дороги, место для засады просто идеальное. Но к счастью, это оказался пост фельджандармерии.

– Вот уж не думал, что так обрадуюсь цепным псам, – смущенно пробормотал Эрих. – И как они не боятся стоять тут втроем.

Впрочем, патруль был усиленным. Вместо положенных карабинов все жандармы были вооружены автоматами. Остановив грузовик, унтер вежливо попросил лейтенанта выйти из машины и предъявить документы.

Пока он рассматривал удостоверение, Браун пытался понять, почему широкое лицо унтера напоминает ему того дотошного майора-разведчика в Берлине. Вроде никакого внеш-

него сходства между ними нет. Но когда фельджандарм захлопнул зольдбук и довольно растянул губы в злобной ухмылке, Браун понял, в чем тут дело. Точно такая же злая, гаденькая улыбка была у офицера абвера, беседовавшего с Эрихом в Берлине.

Тщательно рассмотрев и самого лейтенанта, унтер наконец протянул удостоверение владельцу.

– Можете проезжать. Только будьте внимательнее вон за тем поворотом.

Эрих послушно посмотрел в указанную сторону и вдруг заметил, что водитель отодвинулся от него на несколько шагов. Задуматься о таком странном поведении солдата Браун не успел, так как в бок его что-то толкнуло, и внезапно ослабевшие ноги вдруг подогнулись. Уже рухнув на землю, лейтенант удивленно посмотрел на жандармов и, поймав ответный взгляд, понял, что это не ошибка. Они действительно целились именно в него.

Спокойно смотревший на экзекуцию водитель дождался, когда и в его сторону направят автомат, но особо не испугался. Он вытянул в сторону левую руку, растопырил пальцы и зажмурился, ожидая выстрела. Однако вместо ладони пуля вошла ему прямо в грудь. Вздвигнув, солдат успел открыть глаза и посмотреть на стрелявшего. Ответом ему стала такая же гаденькая улыбочка, но разглядеть ее водителю не пришлось. После десятка пуль, выпущенных в упор, долго не живут.

Закончив расправу, фельджандармы без команды занялись делом. Один из них залез в кузов и открыл ящик, в котором оказалась обычная чистая бумага. Там же лежали бутылка с бензином и полностью заправленная и проверенная зажигалка – немецкие аккуратисты не могли допустить, чтобы выполнение операции зависело от какой-нибудь случайности. Имелись свидетели, знавшие, что погибший лейтенант сопровождал ящик с якобы секретными документами, и его требовалось уничтожить. Вozить коробку с собой в мотоцикле было глупо, а прятать в лесу бессмысленно – все равно найдут.

Тем временем второй солдат работал с трупами погибших. Их телам придали боевые позы, как будто они перед смертью отстреливались от партизан. Из карабина водителя и пистолета Брауна сделали несколько выстрелов в сторону леса, после чего оружие сунули в руки своим владельцам. В качестве последнего штриха унтер немного поправил физиономии своих жертв. Он делал это с видимым отвращением, но уж очень удивленными были выражения лиц у погибших. Вряд ли они смотрели бы так на обычных партизан. Прострелив на прощанье радиатор и скаты грузовика, все трое погрузились в свой «цундап» и поспешно уехали.

* * *

Когда псевдожандармы завершили свою кровавую работу, тело невезучего лейтенанта Брауна недолго оставалось лежать у машины. Место для засады здесь действительно было очень удобным, и за разыгравшейся драмой внимательно наблюдало несколько человек. Убедившись, что на дороге никого нет, двое из них осторожно подошли к погибшим и забрали оружие вместе с документами.

– Слушай, Василич, ну здорово вышло, – обрадованно сказал тот, что постарше. – Теперь у нас есть повод вернуться на базу. Раз уж тут такой случай приключился, то надо срочно сообщить на Большую землю.

– Вернемся, Иваныч. Но все-таки хотелось бы знать, что у немцев за ерунда творится, – отозвался Василич, которому на вид было двадцать два – двадцать три года. – То ли они уже с ума посходили, то ли это все-таки наши диверсанты. Пусть скорее выяснят, а то мы уже боимся в них стрелять. А ну, как ненароком своего убьешь.

Бегло осмотрев кузов грузовика и не обнаружив там ничего интересного, Василич, который, очевидно, командовал группой, решил, что будет излишним запутать немцев, спрятав труп офицера.

– Ну какого черта фашиста так далеко тащить, – тяжело пыхтя, бормотал Иваныч, несший на плечах немца, пока его товарищи шли налегке.

– Ты, Иваныч, когда тяжесть несешь, дыхание береги и поменьше разговаривай, – назидательно ответил командир. – На речке лед еще довольно тонкий, и офицерику можно будет в воду бросить.

– А все-таки, почему мы его там на дороге не оставили? – спросил третий член маленькой группы, до этого все время молчавший.

– Ну, во-первых, чтобы фрицев запутать. Кто там кого убивает и зачем, мы не знаем. Но если стреляют в немцев, то дело это полезное. Вот мы им и поможем следы замести. А самое главное, отвлечем погоню, которая непременно скоро прибудет сюда. Пока они своего утопленника начнут искать, а потом из воды вылавливать, уже и стемнеет.

* * *

Подойдя к речке, отряд остановился. Командир повесил свой автомат на сучок, снял с плеча трофейный карабин и, осторожно ступая по обледеневшим камням, отошел метров на десять от берега. Здесь была стремнина, которая могла отнести труп далеко вниз по течению. Несколькими ударами приклада Василич разбил хрупкий, еще не успевший окрепнуть лед, проделав в нем большую полынь, и с явной неохотой отправил туда немецкую винтовку. Оба его товарища с сожалением посмотрели, как карабин исчез под водой. Но путь им предстоял трудный, и тащить с собой лишние четыре килограмма они не могли.

Вернувшись на берег, партизан перехватил немца за ноги, и вдвоем с Иванычем они осторожно потащили Брауна к месту подледного захоронения.

Назад партизаны возвращались по своим старым следам, старательно ставя ногу след в след. Вскоре их путь пересекла утоптанная тропинка, свернув на которую, они уже смогли идти быстрее. Еще примерно через километр был приготовлен тайник со всеми припасами и снаряжением. Здесь каждому партизану пришлось взвалить на плечи немаленький тюк, но зато они смогли встать на лыжи. Отдыхать не стали, так как путь им предстоял долгий. Отмахать тридцать километров по вражеским тылам, да еще ночью, задача не из простых. Но что поделаешь, ведь в этих местах проходило наступление немецких дивизий и шли ожесточенные бои. Поэтому подготовленная сеть партизанских баз была уничтожена, и ее пока еще не восстановили. Вот и приходилось посылать для разведки людей издалека – из уцелевших отрядов Торопецкого района.

За ночь группа Василича вернуться, конечно, не успела. Ей пришлось снова ждать до темноты и уже потом совершить последний рывок до своей базы.

В очередной сводке разведданных в Центр была передана информация о странных убийствах, вместе с фамилиями пострадавших. Ответ пришел в ближайшее резервное время связи. Все участники операции награждались орденами, а зольдбух Брауна вместе с одним из очевидцев требовалось срочно доставить на Большую землю. Там, в штабе партизанского движения, уже имелись данные по еще нескольким аналогичным случаям. Что это означает, никто не понимал, но согласно недавно присланной из госбезопасности инструкции, вся подобная информация отсылалась напрямую наркому внутренних дел.

Те сведения, которые уже были собраны у Берии, целостной картины происходящего пока не давали, но тенденция была налицо. Шло устранение всех потенциальных секретносителей. Что из этого следовало, пока не ясно. Но, скорее всего, после неудачного начала «Тайфуна» высокопоставленные лица из руководства вермахта и абвера решили не допустить утечки информации наверх. Гитлер и так очень недоволен делами на Восточном фронте. А если он еще узнает о том, что противник знал все планы еще до начала наступления, а ему об этом не доложили, то полетят головы. А лишиться голов немецкие командующие не хотели.

Поэтому за короткое время были ликвидированы не только все двадцать пять человек личного состава великолукской полевой жандармерии, но заодно и весь аппарат тайной полевой полиции. Разумеется, их ни в чем не обвиняли и не допрашивали. Это была просто профилактическая мера во избежание утечки информации.

Методы для «дезинфекции» применялись в основном одни и те же. Несколько человек из списка подлежащих ликвидации посылались на машине в какой-нибудь отдаленный район, и в лесу на них неожиданно нападали партизаны.

Еще проще было с бывшей учительницей великолукской школы, а ныне переводчицей полевой жандармерии фрау Карляйтис. Ей было уже почти шестьдесят, поэтому никого не удивило, что у нее внезапно остановилось сердце.

* * *

Начальник городской комендатуры генерал Шредер, видимо, был в курсе происходящего, ибо ничуть не удивился ни возросшей активности партизан, ни ее удивительной избирательности. Никто из лиц, ответственных за безопасность, не понес наказания. Мало того, руководитель отдела по борьбе с партизанами подполковник Штиккель был даже награжден и переведен с повышением на новое место службы. Правда, куда именно, никто не знал.

Единственным, кто еще остался в живых из фигурантов этого дела, был капитан Мевес, так и не вернувшийся из Берлина. Но у него уже имелись документы на другую фамилию, а формально он тоже числился погибшим. По официальной версии, самолет, на котором капитан возвращался в Смоленск, был внезапно сбит русскими истребителями и все пассажиры погибли.

Глава 1

В госпитале мне первое время очень даже нравилось. Спать можно вволю, постоянно мотаться туда-сюда не нужно, а еда всегда горячая. Ответственность за судьбу сотни человек на меня тоже не давит и, самое главное, никто в меня не стреляет. Даже слух, немного притупившийся после постоянного гула артобстрела, да еще поврежденный последним взрывом, кажется, восстановился.

О том, что со мной случилось после ранения, вкратце рассказала девушка-сержант, охранявшая мою персону. От близкого разрыва бомбы меня контузило, да еще сверху упало несколько осколков. В общем, ничего страшного, так как жизненно важные органы повреждены не были. Но, к сожалению, мой организм был сильно ослаблен хроническим стрессом и постоянным недосыпанием. К тому же после лежания в холодной воде я сильно простыл. Вскоре меня подобрала бойцы и отвезли в ближайшую санроту. Там врачи оценили мое состояние как тяжелое, хотя и стабильное, и отправили сразу в армейский госпиталь, минуя дивизионный медсанбат. Из-за этого меня сразу и не смогли найти, тем более что раненых зачастую отправляют в тыл без всякой системы. В армейский госпиталь их присылают не только из полковых медпунктов своей армии, но и из соседних. По профилю, то есть по характеру ранения, пациентов тоже не разделяют. Но, в конце концов, меня отыскали, после чего потребовали выделить отдельную палату и приставили охрану в лице сержанта госбезопасности.

Сейчас я нахожусь в хирургическом полевом подвижном госпитале № 571, расположенном в селе Селижарово. Это примерно километрах в семидесяти к востоку от Андреополя. Сам госпиталь развернут в нескольких зданиях, включая обычные избы местных жителей. Начальник госпиталя предлагал выделить мне отдельный домик, но представители госбезопасности потребовали, чтобы я находился поближе к врачам, поэтому медперсоналу пришлось потесниться. Помещение, в котором меня разместили, использовалось раньше в качестве склада и еще не успело пропахнуть неприятными запахами, характерными для палат военного госпиталя.

Рацион по фронтовым меркам был просто роскошным. Кроме супчика, который приносили два раза в день, и наваристой каши, еще полагались компот, печенье, яблоки и даже несколько ранних мандаринов, которые я тут совершенно не ожидал увидеть. Причем, прохаживаясь по коридору и заглядывая в командирские палаты, размещавшиеся в этом крыле, я заметил, что цитрусовыми баловали не только меня, но и других офицеров.

Поначалу я немного опасался, что раненые начнут на меня косо смотреть из-за того, что мне одному выделили целую комнату. Насколько я помнил, в начале войны еще не было практики отдельных «гвардейских» или «геройских» палат. Но к счастью, все восприняли это как должное, тем более что после окончания немецкого наступления поток раненых уже схлынул. Многих из них уже отправили в тыловые госпитали, и места здесь хватало. Вопросов «почему» и «зачем» никто не задавал. Раз ко мне приставили сержанта госбезопасности, неотлучно следовавшую за мной везде, за исключением разве что туалета, значит, имеют место секреты, которые посторонним знать не положено.

С сержантом, которую звали Наташа Ландышева, мы быстро подружились. Называть ее по имени я, правда, не решался, все-таки она была при исполнении, и предпочитал говорить «товарищ Ландышева», тем более что фамилия у нее такая красивая. Раньше я и не задумывался, сколько новых оттенков в общении помогает выразить звание девушки-военнослужащей. Если сказать «товарищ сержант госбезопасности», это будет звучать очень официально и даже грозно. А вот если с ней поругаться, то можно назвать ее «товарищ сержант», или даже просто «сержант», чтобы дать понять свое неудовольствие.

К счастью, ссориться с ней мне ни разу не пришлось. Мы только однажды немного поспорили, когда я попросил принести полевой устав «ПУ-41». До сих пор, пока я находился в действующей армии, меня больше интересовали наставления по фортификации. Но теперь, когда появилось свободное время, можно было приступить и к тщательному изучению уставов. Все необходимые книги Ландышева обычно быстро доставала, но на этот раз вернулась ни с чем, заявив, что такого устава не существует. Но я точно знал, что после обобщения опыта, полученного в Финской войне, а также по итогам военных действий в Западной Европе, был разработан новый устав. И случилось это как раз в сорок первом году. Отчаявшись убедить упрямую сержантшу, я уже засомневался, в ту ли реальность попал, пока наконец она не получила от своего руководства подробные разъяснения. Оказывается, я был прав, но не совсем. Перед самой войной была подготовлена новая редакция устава, которую называли «ПУ-39 в ред. 41». Ее собирались утвердить двадцать пятого июня, но естественно, после начала войны уже было не до того, хотя небольшое количество экземпляров все-таки успели отпечатать и отправить в войска.

Впрочем, кое-кого сержант Ландышева все-таки доводила до белого каления. Если я сидел с карандашом и листком бумаги, то прежде чем впустить в палату лечащий персонал, она сначала ждала, пока я спрячу все записи в сейф, а потом отмечала вошедших в журнале посещений. Исключения при этом не делались даже для ординатора, что постоянно вызывало вполне законно брюзжание со стороны врачей. Впрочем, кроме как вести свой журнал, делать Ландышевой было решительно нечего, так что ее тоже можно понять. Все ее обязанности сводились к тому, чтобы весь день сидеть рядом со мной. Вечером она ставила в коридоре кушетку поперек двери, ведущей в мою палату, даже во сне продолжая свой нелегкий труд по охране секретного объекта. Когда ей нужно было отправить ежедневный отчет или что-нибудь достать по моей просьбе, то она просто запирала меня в комнате, повесив снаружи висячий замок. Я все равно уже выздоравливал, и поэтому мог смело обойтись некоторое время без врачебной помощи.

Вообще, будь моя воля, я бы уже покинул госпиталь. Но хотя жар у меня спал, а небольшие раны на плечах и спине уже зарубцевались, врачи меня пока не отпускали. Ну что же, по крайней мере, появилось время для размышлений. Жаль только, что подходящих собеседников у меня не было. Майора Козлова врачи, несмотря на все усилия, удержать не смогли. Он заявил им, что почувствовал себя лучше и долечится дальше в своей медсанчасти. Уже на следующее утро после нашего разговора майор поспешно уехал. На прощание он попытался пошутить, чтобы подбодрить меня:

– Возвращайтесь скорее, товарищ Соколов. Тем более что во время обстрела, когда меня ранили, ваш подарок сгорел. Так что теперь вы должны достать мне новый автомобиль. Кстати, а что означает его название? Теперь наши водители все трофейные машины обзывают «Жипами».

Я проводил своего комполка до выхода и сочувственно посмотрел ему вслед. Несмотря на то что дивизию вывели в тыл, дел для командиров всех уровней сейчас хватало. Надо приводить в порядок все имущество, ремонтировать оружие, выбивать из тыловиков новое обмундирование и обувь. Не сомневаюсь, что прибыв в часть, майор не останется в медпункте, а займется своими обязанностями.

Еще мне очень не хватало Авдеева, хотя бы для того, чтобы помогать мне одеваться или бриться. Хотя я и мог свободно двигать руками, но все-таки старался не делать резких движений, чтобы швы не разошлись. Вот тут-то ординарец был мне очень нужен. В первый же день, когда я очнулся, то попросил сержанта прислать ко мне Авдеева, однако в больнице его не оказалось. Проверив журнал посещений, Ландышева подтвердила, что мой ординарец здесь ни разу не появлялся. Пока она листала страницы, я подсмотрел через ее плечо списки посетителей и заметил слово «генерал», правда, фамилию разглядеть не успел.

– Интересно, это Кончиц приходил, – подумал я вслух. – Но он же пока еще комбриг.

– Кто это был, я вам сказать не могу, – отрезала Ландышева, захлопнув свой драгоценный журнал, – так как на этот счет у меня нет соответствующей инструкции. Но вашему начдиву действительно недавно присвоили звание генерал-майора.

Ну что же, можно за него порадоваться. В новой системе званий не было предусмотрено звание бригадного генерала, которое соответствовало бы комбригу. Поэтому после переаттестации большинство комбригов становились полковниками. Придумана такая система, вероятно, для того, чтобы уменьшить количество генералов. Цель, безусловно, правильная, но многие хорошие командиры были этим очень обижены.

Прояснив ситуацию со своим местонахождением и выяснив все текущие вопросы, я потребовал рассказать о ситуации на фронте. Умница Ландышева уже приготовила мне сводки Информбюро за последние дни, и даже все отметила на карте.

Обстановка на фронте оставалась стабильной, что не могло не радовать. А то, что я к этому очень даже причастен, радовало меня вдвойне. Значит, не зря артефакт выбрал именно меня из миллионов людей.

Вспомнив о причине своего появления в этом мире, я выписал в блокнот все, что Куликов когда-то рассказывал мне об артефакте, и попытался проанализировать информацию. До этого, весь предыдущий месяц, все мысли у меня были заняты только войной. Свободное время, которого у меня и так было немного, я посвящал попыткам вспомнить еще какие-нибудь важные сведения, а загадка моего появления в прошлом отступила на второй план.

И вот, внимательно просмотрев записи, я заметил один странный момент, на который раньше не обращал внимания. А собственно говоря, почему этот предмет не выбрал себе попаданца где-нибудь в Москве? Ведь его же активировали именно там. Неважно, где именно – прямо в Кремле или же в подземном измайловском бункере. В таком большом городе легко можно было найти и профессоров истории, и военных теоретиков, и вообще специалистов широкого профиля.

Значит, приходим к выводу, что маленькая коробочка, которая попала в руки к Сталину, это лишь своеобразный пульт дистанционного управления, а основной агрегат остался совсем в другом месте, а именно там, где я совершил переход. Может даже в той самой церкви, где он хранился после Смуты, но это маловероятно. Как Куликов мне объяснял, изначально шкатулка Велеса была найдена где-то здесь, в древнем языческом капище. Но про второй артефакт в летописях ничего не говорилось, а значит, в четырнадцатом веке его или не нашли, или оставили без внимания, и он лежит себе где-нибудь в болоте.

В любом случае напрашивается неприятный для меня вывод. Радиус действия у таинственного аппарата ограниченный, и в него попадает только небольшой малонаселенный район. Это значит, что выбирать ему пришлось максимум среди нескольких десятков тысяч человек. На первый взгляд, эта цифра тоже немаленькая, но сколько среди этих людей бывших офицеров, да еще интересующихся историей и военной техникой? Вряд ли очень много. Так, а какие еще критерии обязательны для кандидата в попаданцы?

Могу предположить, что семейный человек для изменения хода истории не подходит. Во-первых, он будет очень расстроен тем, что никогда больше не увидит своих детей, а значит, эффективных действий от него ждать не приходится. А во-вторых, он начнет сомневаться, стоит ли вообще менять историю, если в этом случае его дети никогда не родятся. Даже если он в этом случае решится на перемены, то будет действовать весьма неадекватно.

Еще один немаловажный фактор – это то, что «переход» желательно осуществить по возможности без свидетелей. Таким образом, вариант появления «желтого тумана», в котором исчезают люди, прямо в центре города, полностью исключается. А значит, остаются только случайные путники, вроде меня, которые в одиночку передвигаются по пустынной дороге.

Выходит, моя персона вовсе не такая уж эксклюзивная. Если смотреть правде в глаза, то я просто первый попавшийся человек, который более-менее подходит по основным параметрам. Знаю немного того, немного другого, а так ничего выдающегося собой не представляю. Это, конечно, несколько обидно, но обижаться на бездушное электронное устройство смысла нет, лучше сделать соответствующие выводы. А главный вывод – это то, что я вовсе не пророк, и могу ошибаться. Если так, то нужно скорее сообщить руководству страны о том, что все мои советы надо тщательно анализировать. Я даже принялся писать соответствующую докладную, но потом сообразил, что командованию и в голову не приходило слепо подчиняться моим рекомендациям. Помнится, я советовал не захватывать Торопец, но нас все-таки бросили на его штурм. Или, к примеру, я всюю рекламировал самолет Лавочкина, но как мне сказал Куликов, проектирование истребителя И-185, являвшегося прямым конкурентом будущего Ла-5, и не думали приостанавливать.

Немного подувшись и на артефакт, и на верховное командование, которое вовсе не считает меня суперменом, я стал продолжать логическую цепочку. Еще один интересный момент, который бросается в глаза, это то, что дата активации агрегата – 18 сентября, совпала с датой моего исчезновения в 2011 году. Время, насколько я могу судить, тоже совпадает. Если так, то получается, что артефакт не просматривал все будущее на сто лет вперед, а просто сканировал окрестности с интервалом в один год. Это значит, что возможности его компьютера довольно ограничены, а может, просто аккумуляторы уже садятся. Какую из этого можно извлечь практическую пользу, сказать пока трудно, но на заметку этот факт возьмем.

Закончив с глобальными проблемами, я перешел к текущим вопросам. В первую очередь следует внести предложения по тактике и стратегии предстоящего зимнего наступления. Практикующееся в первый год войны наступление сразу по всей ширине фронта было только одним из примеров нерационального использования сил, и подобные устаревшие взгляды на ведение войны следовало решительно искоренять. Отдельно стоило рассмотреть вопрос по штурмовым отрядам. Пока наши войска отступали, они использовались крайне редко, но скоро их нужно будет создавать в большом количестве, и здесь мне было что посоветовать. Например, в прежней истории очень мало уделялось внимания саперным группам, которые обязательно должны входить в состав штурмовых отрядов. Да и тренировкам достаточного внимания не уделялось.

* * *

Вечером, сразу после ужина, меня ожидал маленький сюрприз. Оказывается, когда майор Козлов вернулся в полк, он тут же развил бурную деятельность, и в качестве одного из итогов его деятельности ко мне приехал мой взводный Кукушкин.

– Переводят меня, товарищ командир, – виновато развел он руками, как только мы поздоровались. – Во втором батальоне одного ротного не хватает, его еще в конце наступления тяжело ранило. Комполка, когда вернулся из госпиталя, сказал нам, что вы скоро выздоровеете, а значит, можно одного из взводных забрать и перевести туда на повышение. Я вот, воспользовался оказией, и смог к вам заехать, чтобы попрощаться.

– Да уж, – недовольно нахмурился я, – недолго мы радовались, что у нас в подразделении столько лейтенантов. Но раз майор приказал, ничего не поделаешь. Слушай, а эта не та рота, которая врукопашную с танками сражалась?

– Она самая, – гордо ответил новоиспеченный ротный. – Бойцы только и вспоминали о том бое, когда танки их окопы утюжили.

А это очень интересно. Нам раз семь приходилось отбивать танковую атаку, но каждый раз выручала артиллерия. И это не считая тех случаев, когда немецкие танки останавливали на дальних подступах. До гранат же, к счастью, дело ни разу не доходило.

– Так Расскажи мне подробно, что там было-то.

Кукушкин неторопливо откашлялся, собираясь с мыслями, и начал свое повествование:

– Когда мы отошли к Грядецкому озеру и заняли линию с дотами, немцы сообразили, что дальше они продвинуться уже не смогут. Поэтому им пришлось пойти на крайние меры. Они, как обычно перед атакой, устроили артобстрел. Потом забросали передний край обороны дымовыми снарядами и стали выдвигаться. Но оказалось, что фрицы решили применить новую хитрость. Обстреливали они один участок, а когда наши стянули к нему артиллерию, атаковали совсем другой, где их не ждали.

– Ничего необычного в этом нет, – заметил я, в немецком уставе все эти хитрости прописаны.

– Так вот, место для атаки они выбрали заранее, и дымовые снаряды клали так, что ветер гнал дым прямо на нас. – Кукушкин не заметил, как сбился на пересказ от первого лица. – Гул моторов мы слышали, но были уверены, что к нам они точно не пойдут. И вдруг неожиданно из этого дыма выскакивают танки. Да так тесно идут, интервал между ними всего метров двадцать. Видимо, вражины заранее разведали, что удобный участок, проходимый для техники, здесь шириной не больше сотни метров. Ну, вот танковый клин именно в этом месте прокатился через траншею и ходу. Дальше опушка леса, и там танки разошлись в стороны веером. Случись это в начале октября, остались бы от роты только рожки да ножки. Она бы им была только на один зуб. Но немец уже был не тот. От всего танкового батальона у них оставалось только двенадцать машин. Пять сразу прошли дальше, давить наши пушки. Бойцы немного растерялись, и почти ни один гранату им вслед не бросил. Еще один танк, видимо командирский, остановился в сторонке, а остальные шесть машин стали утюжить окопы. За ними выскочили грузовики и три «ганомага», из которых сразу высыпала пехота. Если бы они смогли подойти к окопу, то свели бы всю роту под ноль. Но спасибо нашим саперам. На отсечной позиции находились пулеметные доты, и фланкирующим огнем они заставили всех немцев залечь. Замаскированы пулеметчики были отменно, и огонь раньше времени не открывали, вот фрицы их и не заметили. Тут нам очень кстати дымовая завеса помогла. Вражеским артиллеристам наши позиции не видны, а если стрелять наобум, так своих бы заделали. И еще нам очень повезло, что немецкого корректировщика, который сидел в бронебике, сразу убили. У нас оставалось только одно противотанковое ружье, трофейное, и патронов к нему кот наплакал. Но зато наш бронебойщик был уже опытный. Он приготовил себе позицию на фланге и тихо сидел в ней, пока «ганомаги» не развернулись к нему боком. И тут уж он один из них поджег. Уже потом, после боя, нашли в подбитом бронетранспортере рацию, а рядом валялся труп наблюдателя с артиллерийскими погонами.

– Это не везение, – с сомнением покачал я головой, – а наблюдательность. Просто стрелок увидел, что из бронебика торчат рога стереотрубы, и естественно, стал стрелять именно по нему.

– Ну да, он молодец, – согласился взводный. – Его к ордену представили. Так вот, когда немцы залегли, часть танков повернули к дотам и стали их расстреливать, но без особого успеха. Маленькие пушечки, которые стоят на «троечках», повредить их не могли, а «четверка», у которой ствол 75 мм, осталась только одна. Где-то вдали на правом фланге виднелась немецкая самоходка, но близко она не подъезжала, и из-за дыма вести огонь не могла.

– А развернуть танки первой волны обратно, чтобы подавить оборону, немцы не пробовали?

– К счастью, нет. Ну так вот, ситуация пока патовая, но вот-вот все изменится. Вопрос только в том, что произойдет раньше. Наши орудия ПТО когда еще выкатят на позицию, да и разбираться им придется сначала с прорвавшимся танковым взводом. А вот если немецкие гранатометчики подберутся поближе к дотам, то они подавят пулеметные точки, а потом и всем кранты. Там же наступало не меньше батальона, да еще с бронемашинами. Пока танки не дают нам высунуть голову, немцы легко ворвутся в траншею. К счастью, наши быстро окле-

мались, приготовили гранаты, бутылки с КС и попытались забрасывать ими танки. Но оказалось, не так-то все просто. Чтобы сбить гусеницу, эрпэгэшку надо метнуть точно под нее, иначе ничего не получится. Можно забросить на моторный отсек, но это же надо постараться сзади подобраться, да и то не факт, что граната оттуда не скатится. Вот горючая смесь КС к танковой броне хорошо прилипает. Вот только опять-таки, куда попало ее бросать нельзя, а то толку не будет. Уже почти все танки горели, но все равно продолжали ехать. У кого гусеница в огне, у кого лобовая броня, но им хоть бы что. Один сержант молодец, когда увидел, что танк прямо на него прется, схватил ручной пулемет, присел в окопе и давай поливать из него по смотровой щели. Фрицы из своих пулеметов достать его не могут, он же в мертвой зоне. Ну и повезло парню, убил он механика-водителя раньше, чем тот успел подъехать. А с обездвиженной машиной уже легко справились. Этому сержанту тоже орден дадут.

Переживая происшедшее так, как будто видел все это собственными глазами, Кукушкин замолчал, но потом, опомнившись, опять продолжил:

– Сколько времени прошло, мы и не поняли. Может, полминуты, а может, и пять. И вдруг хлоп, от одного из танков полетели искры, а потом он запылал. Затем другой танк как будто споткнулся и закрутился на месте. Немцы раньше нас сообразили, что это наша артиллерия подошла, и давай драпать. Ну, правда, убежать удалось не всем. Пять танков осталось гореть, и из них три на счету нашей роты. А из тех машин, что ушли в прорыв, ни одна не вернулась, всех артиллеристы остановили.

– Да, молодцы твои орлы.

– Это так, они все герои, – невесело улыбнулся младший лейтенант. – Вот только убитых и раненых у нас много. И я как раз хотел у вас попросить совета. Так как рота понесла значительные потери, то ей передали много бойцов из нового пополнения. У меня теперь большинство красноармейцев еще необстрелянные, и их всему учить надо.

– Ну и чего ты вдруг испугался? В бою ни разу не боялся, а тут надо всего лишь салаг обучать.

Кукушкин опасливо огляделся, не подслушивает ли нас сержант, и, наклонившись к самому уху, прошептал мне:

– Строевая.

О, тут я с ним полностью солидарен в нелюбви к строевой подготовке. Я всегда старался утешить себя тем, что моя тонкая натура и рациональный склад ума просто несовместимы с шагистикой.

– Слушай, Василий, – теперь, когда он не был моим подчиненным, я решил звать его просто по имени, – а чего тебе волноваться? Помнится, ты говорил, что у тебя по всем предметам отлично.

– Это так, товарищ командир. Но строевой подготовки у нас не было.

– Приехали! Как же не было, ведь на войне это самое главное.

– Главное? – испуганно переспросил младлей. Похоже, он мою тонкую иронию не уловил.

– Да шучу я. Но чем же вы там занимались на командирских курсах, если не строевой?

– Так у нас количество дисциплин по сравнению с довоенной программой сократили в три раза и оставили только пять самых важных предметов.

– Давай-ка попробую угадать. Первое это, естественно, стрелковое дело, ты же в оружии разбираешься. Затем топография с тактикой. Основы фортификации ты тоже знаешь, значит, инженерное дело проходил, ну и наверняка химическое. Так?

– Все верно, вот эти пять предметов нам и преподавали, – кивнул Василий.

– А почему вас не гоняли по плацу во внеучебное время?

– Товарищ командир, – взмолился бедный Кукушкин, как будто я действительно мог сейчас погнать его на плац, – у нас занятия и так продолжались по шестнадцать часов в сутки. Ну, были, конечно, построения, и в столовую строем шагали. Вот и все мои занятия по строевой.

– Но вас хотя бы выводили на занятия по тактике?

– Не выводили, а выбегали. Ну, в смысле выдвигали марш-броском. С полной выкладкой в сорок килограммов, а сложение у меня, как видите, не самое богатырское.

– Да уж, – посочувствовал я ему, – несладко тебе пришлось эти три месяца.

– Не три месяца, а один. Я же все-таки со средним образованием.

– Ясно. Ну, насчет строевой ты в голову не бери, для этого взводные с отделенными и существуют. А у тебя имеются более важные задачи. Ты сначала на командирской подготовке всех взводных и сержантов проверь, кто что умеет, и хорошенько подучи. А дальше они уже сами обучат красноармейцев. Кстати, у тебя ведь есть хороший опыт по использованию автоматического оружия. Учítывая, что у него малая прицельная дальность, но высокая интенсивность огня, секторы для стрельбы будут распределяться совсем по-другому. Если вашему батальону подкинут пистолет-пулеметы, то твой опыт там очень пригодится.

Получив от меня наставления, Кукушкин приободрился. Теперь он уже не так опасался своих новобранцев. Быстро попрощавшись, младлей пожелал мне скорейшего выздоровления и отправился к дороге ловить попутку.

* * *

Похоже, что сегодня у меня был день посещений. Только мой бывший взводный ушел, как приехал майор госбезопасности Куликов. С момента нашей последней встречи у него на кителе прибавилось два ордена, а еще блестела новенькая медаль «Серп и Молот».

Ландышева, которая, как оказалось, была с ним знакома, тут же с возмущенным видом накинула ему на плечи белый халат. Если медперсонал не отважился сделать замечание чекисту, то это еще не значит, что правила больничного распорядка можно нарушать.

Взяв мои записи, майор быстро просмотрел их, благо что исписанных листов насчитывалось немного.

– Ну что же, замечательно, – довольно резюмировал майор. – Это даже больше, чем я ожидал. Да, а почему вы ни разу не упоминали конструктора Таирова? Я считаю, что его самолеты очень даже неплохие.

– Таиров, Таиров, – задумчиво произнес я фамилию, которую, кажется, уже слышал раньше. – А, вспомнил. Когда немцы подошли к Москве, его КБ в спешке эвакуировали, и он погиб в авиакатастрофе во время перелета.

– Но теперь эвакуации уже не будет, а значит, его Та-3, вполне возможно, пойдет в серию в качестве штурмовика.

Заметив, что я смотрю на золотую звезду, майор виновато улыбнулся.

– Извините, но вас мы пока наградить не можем, чтобы не привлекать излишнее внимание. Я, честно говоря, не считаю, что заслужил звание Героя социалистического труда, ведь моей заслуги тут нет. Но когда мне в очередной раз пришлось встречаться с товарищем Сталиным, то он сделал мне выговор, почему я не надел награду, которую мне вручила страна.

Ага, значит, майору ничто человеческое не чуждо, если он с удовольствием хвастается встречей с Верховным. Ну еще бы, вот если бы я встретился с главой государства и разговаривал с ним, то тоже старался бы упоминать об этом эдак ненароком.

– И что же вы ответили? – любопытствовал я.

– Я заметил товарищу Сталину, что он тоже не носит звезду Героя труда, хотя действительно заслужил ее, в отличие от меня.

«Ну да, – мелькнула у меня мысль, – сам придумал новую награду, и сам же получил звезду под номером один». – Однако говорить это кому бы то ни было, даже Куликову, я, конечно, не стал. Впрочем, если сравнивать с Брежневым, то Верховный действительно образец скромности.

– На это он возразил мне, – продолжал майор, – что мои доводы неправильны. Буквально товарищ Сталин сказал следующее: «То, что нам предлагает товарищ Соколов, нашим инженерам часто сразу не понять и по достоинству не оценить. Ваша заслуга в том, что вы убеждаете их в необходимости вносимых изменений. Вы уже заработали себе непререкаемый авторитет по конструкторским вопросам и должны пользоваться им, чтобы продавливать новые решения. Мало передать докладную записку руководству наркомата вооружения и издать распоряжение. Нужно, чтобы конструкторы сами поняли необходимость этих новшеств. Так вот, за эту нужную работу мы вас и наградили. К тому же это звание поможет еще больше повысить ваш авторитет перед оружейниками, и они охотнее будут прислушиваться к вашим словам».

Услышав, что обычный майор госбезопасности неоднократно беседовал с самим Верховным, Ландышева вся просто затрепетала от избытка чувств. Не спрашивая разрешения, она обратилась к Куликову со своими наивными вопросами:

– А как он выглядит?

– Скажу честно, на свои портреты совсем не похож. Лицо все в морщинах и оспинах. Носит старый серый китель, кое-где заштопанный.

– А он действительно курит только трубку, как на картинах? – Похоже, Ландышева настоящая фанатка Сталина.

– Действительно трубку. Он набивает ее табаком из папирос, а иногда вставляет в нее раскуренную сигару.

– А как же рекомендации о вреде курения, – подключился я к обсуждению личности вождя.

– Подействовали. Теперь товарищ Сталин глубоко не затягивается.

– А как выглядит кабинет? Зеленое сукно, зеленый абажур на лампе?

– Зеленого абажура там, правда, не было, но я был не в кремлевском кабинете, а в бункере.

Вопросы посыпались на бедного Куликова с двух сторон, так что он еле успевал на них отвечать.

– Коньяк товарищ Сталин действительно любит, но сейчас пьет его редко. Так что бутылка на столе была, но ее не открывали.

– А что же вы пили?

– Ну, товарищ Верховный сделал смесь вина и лимонада и угощал меня ею.

– Да, кстати, – вспомнил я о старом обычае, – раз уж заговорили о выпивке, то предлагаю обмыть вашу награду.

В другом случае подобное предложение было бы нарушением субординации, но мы с Куликовым с самого начала сработались, и он никогда не общался со мной как с младшим по званию. Да и само звание майора госбезопасности было получено им не без моей помощи. Правда, строгая сержантша могла запретить больному употребление спиртного, но Ландышева заявила, что пятьдесят граммов на сытый желудок вреда мне не принесут, и достала из тумбочки подозрительную флягу. Еще одну фляжку извлек из своего кармана майор.

– Я свою звезду уже раз пятнадцать обмывал, – подмигнул он, откручивая колпачок. – В каждом конструкторском бюро, с которым мне приходится работать, уверены, что меня наградили именно за внедрение их техники.

Увы, но попробовать привезенный майором коньяк мне не удалось. Дверь распахнулась без стука, и на ее пороге остановился высокий грузный мужчина с самодовольным лицом. Он явно не ожидал увидеть здесь энкавэдэшников, да еще сразу двоих. Впрочем, майор сидел спиной к двери, и его петлицы не было видно, а нарукавные знаки различия скрывал халат. О ведомственной принадлежности Куликова говорила только фуражка. Не поняв, что перед ним находится целый майор госбезопасности, прищелец нагло попытался изгнать сотрудников НКВД из палаты:

– Я военврач первого ранга Мушкин. Попрошу посторонних покинуть помещение и дать мне осмотреть раненого.

Ландышева уперлась руками в бока, точь-в-точь жена, встречающая мужа, вернувшегося за полночь, и попросила сначала предъявить документы. Требование было вполне законным, поэтому Мушкин послушно отдернул воротник халата и полез во внутренний карман за удостоверением. Однако достать он его не успел. Видимо, поза руки-в-боки была выбрана сержантом совсем не случайно, так как она за какую-то секунду успела не только достать револьвер, но и взвести его.

– Не двигаться! Руки вверх! – произнесла она негромко, но таким зловещим тоном, что мне самому захотелось поднять руки.

Военврач замер, боясь пошевелиться. Правая рука его застыла, не успев юркнуть за пазуху. На боку под халатом у него выступала маленькая кобура, но залезть туда он бы не успел. Я смотрел на происходящее, ничего не понимая, а рука уже машинально шарилась на поясе в поисках гранаты. И очень хорошо, что «лимонки» у меня не оказалось, иначе выработанный рефлекс заставил бы не задумываясь бросить ее в проем двери.

Между тем Куликов поскреб по кобуре, но, убедившись, что быстро достать пистолет ему не удастся, неожиданно вскочил и ринулся вперед. Он был ниже противника и легче его килограммов на двадцать, но толчок с разгона и ловко подставленная подножка позволили ему сбить Мушкина с ног. Как только лжеврач упал на пол, майор заломил ему руку за спину и зажал рот ладонью.

«Видимо, самбо он все-таки знает, – мелькнула у меня ехидная мысль, – а вот тактике захвата преступников его явно не учили. Сначала закрыл собой линию огня, а потом вместо правой руки заломил противнику левую. Впрочем, ничего смешного, ведь его специализация – конструирование, а не антитеррор».

Пока я мысленно упражнялся в остроумии, Ландышева схватила перевязочные материалы, все время лежавшие наготове на тумбочке, и подскочила к упавшему. Аккуратно наступив на ладонь правой руки Мушкина, чтобы он не вздумал делать глупости, она запихала ему в рот огромный кусок ваты и только после этого засунула наган в кобуру. Вдвоем с Куликовым они связали руки шпиона бинтами, а потом за ноги отволокли его в мою палату. На все это ушло не больше полминуты.

Куликов схватил лист бумаги, оторвал от него небольшой кусочек и что-то начеркал на нем карандашом. Раньше меня сообразив, что он хочет сделать, сержант выбрала из прибежавшего на шум персонала санитарку и жестом подозвала к нам. Закончив писать, майор сунул ей бумажку и кратко проинструктировал:

– На дворе стоит грузовик, спрятанный под маскировочной сетью. Возьмите что-нибудь для отвода глаз – котелок, чайник или просто бинты, подойдите с ними к машине и незаметно отдайте бойцам эту записку.

Несколько минут после этого прошли в напряженном ожидании. Майор наконец-то достал из кобуры пистолет и, повинувшись кивку сержанта, завладевшей инициативой, встал за дверью, которую оставили приоткрытой. Медперсонал, вышколенный Ландышевой, по ее приказу разбежался, и коридор опустел. Керосинку потушили, и теперь все было готово к приему незваных гостей.

Мне не хотелось встречать врага без оружия и, покрутив головой по сторонам в поисках онога, я наконец-то догадался позаимствовать пистолет у шпиона. В маленькой кобуре хранился небольшой «Вальтер ПП», вполне соответствующий имиджу врача, для которого пистолет лишняя обуза, положенная по уставу, но мешающая в повседневной жизни. С этим пистолетиком в руке я спрятался за тумбочкой. В темном углу меня было не видно, зато я мог держать под прицелом входную дверь.

Выстрелов со двора было не слышно, и у нас постепенно нарастала уверенность в удачном завершении операции по захвату сообщников шпиона. Но вот, наконец, по коридору прогрохотали сапоги.

– Товарищ майор госбезопасности, разрешите войти, – гаркнул громкий голос, и в дверном проеме возник сержант-пограничник.

– Войдите, – отозвался Куликов, вынырнувший из-за двери.

– Разрешите доложить, – спросил сержант, покосившись в сторону посторонних, то есть меня.

Доклад был коротким. Как мы и надеялись, захват произошел без сучка и задоринки. Приехал мнимый военврач на «эмке», в которой остались водитель и адъютант. Пограничники подошли к машине, благо повязки патрульных у них с собой были, и потребовали предъявить документы. Дальше скрутить подозрительных лиц было делом техники. Арестованных сейчас тщательно обыскивают, а весь багаж, имеющийся в машине, досматривают. Оружия, правда, кроме пистолета адъютанта, не нашли, но зато обнаружили целых три различных удостоверения.

Ну, теперь можно заняться и главным шпионом. Пограничника Куликов выставил в коридор, приказав никого не впускать, и плотно прикрыл за ним дверь. Задумчиво посмотрев на Ландышеву, видимо прикидывая, нужно ли ее посвящать в тайны, которые сейчас могут раскрыться, майор наконец принял решение. Перевернув арестованного на спину, он коротко бросил сержанту:

– Обыскать.

Ландышева сначала быстро обхлопала задержанного в поисках оружия, а затем извлекла из карманов все их содержимое. Немного подумав, она принялась ощупывать подкладку одежды в поисках шелковки. Мушкина, похоже, нисколько не радовало то, что его тискают симпатичная девушка. Он стонал от боли в скрученных руках и пытался повернуться поудобнее.

Мы все трое по очереди просмотрели найденные документы, стараясь найти в них что-нибудь подозрительное. Впрочем, это было необязательно, так как помимо удостоверения военврача, у Мушкина было и другое, где он именовался уже полковым комиссаром. Имелось и предписание, требующее доставить старшего лейтенанта Соколова в Москву.

Когда с обыском закончили, я наконец-то поздравил майора с молниеносным обезвреживанием врага.

– Я-то что, – скромно ответил Куликов. – А как товарищ Ландышева револьвер быстро выхватила, видели? Мы для вас самого лучшего сотрудника подобрали. Я сначала сомневался, стоит ли доверять такую ответственную работу девушке, но когда она продемонстрировала мне свои умения, то решил, что лучшего кандидата не найти.

– Это точно, – согласился я. – Да, кстати, а как вы определили, что это диверсант?

Майор с сержантом удивленно переглянулись. Ландышева укоризненно взглянула на меня, а Куликов ехидно усмехнулся.

– Когда он неожиданно появился, я удивилась, – пояснила Наташа, – ведь меня о нем не предупреждали, и потому заподозрила неладное. А увидев петлицы Мушкина, сразу все поняла.

– И что же у него такого необычного на петлицах?

– А вы не обратили внимания?

– Ну почему же, я заметил, что там четыре шпалы.

– Вот именно, четыре, – торжественно произнесла Ландышева, – а их больше трех не бывает.

– То есть как это не бывает, – возмутился я. – Их еще прошлым летом ввели. Да вот же у нашего майора госбезопасности тоже четыре прямоугольника на петлицах.

– Ввели, да не у всех, – парировала сержант. – Военврач первого ранга остался с тремя шпалами, и теперь он приравнивается к подполковнику.

– Вот как? Действительно, век живи, век учись. Да как же его пропустили, такого неправильного?

– Вот кто бы говорил. Боевой командир и то в званиях не разбирается, а тут часовыми санитарки стоят. Можно подумать, они все эти тонкости знают.

– А это немецкий шпион? – поспешил я перевести разговор на более актуальную тему.

– Нет, конечно, – ответил Куликов, внимательно рассматривающий документы арестованного. – Германия своих диверсантов готовит тщательно и таких откровенных ляпов не допускает. – Он отложил бумаги и обратился к Мушкину: – Кто именно вас послал, мы выясним уже сегодня. Но может быть, вы, голубчик, сразу расскажете, чтобы напрасно не тратить чужое время и заодно свое здоровье.

– Скажу, все скажу. – Пользуясь моментом, Мушкин перевернулся на бок, так как лежать на скрученных за спиной руках, которые он придавливал всей своей тушей, ему было очень больно. – Это Молотов. Он часто бывал за границей, и его там завербовали.

– Врешь, сука, – возмущенно воскликнул я и в качестве аргумента, подтверждающего свою правоту, пнул оппонента в бок. – Я точно знаю, что Молотов никогда не интриговал, – это уже майору.

– Меня послал Хрущев, – завопил Мушкин, стараясь придать своему голосу побольше искренности. – Он связан с украинскими националистами и хочет свергнуть советскую власть.

– Врешь, сволочь, – пнула его с другой стороны Ландышева, поддержав кровавое реноме своего ведомства. – Хрущев сейчас на Юго-Западном фронте, а у тебя документы выданы в Москве. Говори, кто?

– Это Берия, Берия. Он хочет захватить власть и убить товарища Сталина.

Мы все, включая съездившегося Мушкина, посмотрели на майора, так как теперь была его очередь пинать лежащего. Однако он задумчиво посмотрел на неправильные петлицы незадачливого шпиона и покачал головой.

– Вы лжете. Товарищ Берия прекрасный организатор и все делает на совесть. – О том, что нарком лично курирует этот проект, упоминать, конечно же, не стоило. Затем, обернувшись ко мне, Куликов добавил: – Здесь нужен профессиональный следователь, так что разрешите откланяться.

Вызванный пограничник рывком поставил Мушкина на ноги, засунул обратно кляп и вывел его из палаты. Майор забрал свою фляжку, содержимое которой, к сожалению, вылилось на пол, и ушел, не забыв реквизиовать у меня «вальтер», так как он мог понадобиться для следствия.

Резкие движения, которые мне пришлось делать во время этого происшествия, не прошли для меня даром, и швы на плечах разошлись. Впрочем, оказалось, это и к лучшему, так как рентген показывал, что один осколок у меня остался не извлеченным, и его желательно было удалить. Операцию решили сделать сразу же, потому что в любой момент могли привезти раненых, которым требуется неотложная помощь.

Правда, врачи предупредили, что мне нельзя делать общий наркоз и придется ограничиться местным. Это означало, что будет немного больно. Но Ландышева заверила, что будет все время находиться рядом и веселить меня разными историями.

Проводить операцию должен был сам начальник отделения, и он же ведущий хирург госпиталя Мультановский.

Верная своему обещанию, Ландышева вполголоса, чтобы не мешать врачам, стала рассказывать забавные истории. Случаи из практики ее ведомства были секретными, и поэтому она ограничилась тем, что слышала здесь же в госпитале.

– Вот недавно был случай. Одному бойцу требовалось немедленное переливание крови, а у всех медработников кровь уже взяли.

– А что, консервированной крови не было? – вяло поинтересовался я, чтобы поддержать разговор.

– Она тогда еще не поступала. И вот товарищ Мультиановский, который, кстати, вас сейчас и оперирует, приказал взять у него пятьсот миллилитров, после чего продолжал операцию. При этом он еще и шутил, что работать стало легче. Это был первый случай переливания крови от хирурга прямо у стола.

– Так вот почему тут ведро с водой стоит, – догадался я. – После сдачи крови работающей бригаде врачей все время пить хочется.

– А вот еще история. Одну из санитарок поставили часовым. И тут какой-то старшина решил девушку попугать, хотя его и предупреждали, что этого делать не стоит. Он залез в кусты и начал рычать. Часовой услышала и кричит: «Стой! Кто идет?» А он все равно не останавливается, идет в темноте и рычит. Санитарка сделала предупредительный выстрел в воздух, а второй уже в него, да так метко. Стреляла на звук и попала прямо в рот. Хотя в осназ ее бери.

– Дурак старшина, – отозвался я. – И сам по-глупому погиб, и девчонку под трибунал подвел. Чем расследование закончилось?

– Конечно ее оправдали. Но весь госпиталь очень плакал. – Медсестры, которым напомнили эту грустную историю, действительно всхлипнули. Да, что-то не очень получилось у сержанта меня развеселить. Тем не менее я мужественно выдержал всю процедуру, ни разу не застонав. Впрочем, на самом деле я почти ничего и не чувствовал.

* * *

Наутро после операции мое состояние уже пришло в норму, хотя я и старался двигаться поменьше. Впрочем, мне не приходилось даже писать, так как умные мысли по тактике и военной технике у меня закончились. В конце концов, моя голова это не кладезь премудрости. Поэтому я начал размышлять, что еще могу сделать полезного. Среди классических задач попаданцев, первую – убить Хрущева, я честно пытался выполнить, и не моя вина, что его не расстреляют. Вторая – убить Гудериана, тоже невыполнима, ведь для этого надо сначала забраться к немцам в тыл. Да и вообще, он сейчас находится далеко отсюда. Зато еще одна миссия человека из будущего, а именно записать новые песни, была мне вполне по силам.

Как я и предполагал, Ландышева стенографировать умела. Правда, ей пришлось послать запрос, имеет ли на это право, но после получения положительного ответа с радостью принялась мне помогать.

Хорошо помня, что житель двадцать первого века легко может засыпаться на текстах песен, содержащих анахронизмы, я сначала проговаривал их про себя, и только потом начинал диктовать. К вечеру сержант уже устала писать, но отказывалась останавливать такую интересную работу. Ее легко понять, ведь не каждый день услышишь одновременно столько хороших стихов. Особенно Ландышевой понравилась песенка военных корреспондентов. Застенографировав ее, она заявила, что мне уже пора отдохнуть, но сама продолжала что-то писать.

– Тут только надо кое-что исправить, и будет как надо, – довольно говорила она при этом сама с собой.

– Да, точно, – вспомнил я, – там слова «Так давай по маленькой хлебнем» можно заменить на фразу «Так давай за дружеским столом».

– И это тоже поменяем, – согласилась Ландышева, продолжая черкать карандашом.

Я же закрыл глаза и стал потихоньку засыпать.

– Еще упоминание о «Лейке» выкинем, – донеслось до меня сквозь сон. Видимо, редактировать стихи было для сержанта внове, и она повторяла свои мысли вслух.

– А зачем «Лейку» выкидывать? – приоткрыв глаза, спросил я. – Как же корреспондентам без фотоаппарата?

– Вы спите, спите, товарищ Соколов, а я пойду в коридоре поработаю.

Когда Ландышева выходила, я расслышал, как она бормотала себе под нос:

– Ну как же, корреспонденты. Они же там все литераторы. Поэты, видите ли. Вот пусть сами про себя стихи и сочиняют. А эта песня достанется тем, кто ее заслужил.

Глава 2

Старинов задрал голову вверх, сдвинув панамку на лоб, и удивленно присвистнул:

– Это еще что такое?

В коротких шортах и в панамке полковник походил на обычного туриста, прибывшего в тропическую страну на отдых. Но сейчас маска беззаботного путешественника, которую Старинов все время носил, исчезла, и он снова превратился в грозного диверсанта.

Из группы подрывников, которым было поручено минирование плотины Гатунского водослива, вышел самый старший из них – знаменитый революционер и не менее знаменитый художник Давид Альфаро Сикейрос.

– Бутылка, товарищ Рудольфе, – пояснил он, хотя это было и так очевидно. Огромный, двенадцатиметровый плакат с профессионально нарисованной запотевшей бутылкой и призывом пить только это пиво.

– Вижу, что не статуя Мухиной. Что это, мать твою, за художественная самодеятельность? – Негодующий Старинов перешел на родной «богатый и могучий», чтобы полнее выразить обуревавшие его чувства.

Обескураженный его негодованием Сикейрос смутился и попытался возразить:

– Ну зачем же сразу ругаться, товарищ Рудольфе. К тому же вы все-таки разговариваете с равным по званию.

– Ну да, неудивительно, что имея таких вот полковников, республиканская Испания проиграла войну. Ну ничего нельзя вам доверять. В Троцкого вы с вашей группой стреляли практически в упор, и то не смогли попасть.

– Это так, – признал Сикейрос, – но ребята были неопытные и немного выпили текилы для храбрости.

– А вы, товарищ Фелипе, куда смотрели, – повернулся Старинов к Григулявичусу – очень смуглому человеку лет тридцати, совершенно не похожему на прибалта, спокойно смотревшему на происходящее холодными глазами.

– Я в тот день водку не пил, только вино.

– Тьфу ты, Иосиф, я говорю вот об этой мазне.

– Но мое дело диверсии и саботаж, товарищ Рудольфио, а по рисованию у нас специалисты это Сикейрос и его шурин Ареналь.

Еще один несостоявшийся убийца Троцкого – Луис Ареналь Бастар, выступил вперед и начал расхваливать плакат, который, по его словам, был настоящим произведением искусства.

– Вы просто не разбираетесь в живописи, товарищ Рудольфе. Мы все нарисовали очень тщательно, что, учитывая размеры полотна, было непросто. Только посмотрите на капельки воды, выступившие на заиндевевшей бутылке. Если вы взглянете на нее с расстояния, чтобы можно было охватить глазом весь плакат, то держу пари, вам самому захочется ее выпить.

– Но вас прислали сюда не для того, чтобы пропагандировать иностранцам нетрезвый образ жизни.

– Это не агитация, а реклама, – обиженно надул губы Ареналь. – И если повезет, мы даже сможем окупить часть расходов на операцию. Заказы на нашу фирму так и сыплются. Мы уже заключили контракты по аренде площади рекламных плакатов на год вперед.

– Да ты совсем обалдел, коммерсант хренов, – буквально взревел Старинов. – Какой еще следующий год, если операция завершится максимум через месяц.

– Но мы не должны выбиваться из образа. Ни один капиталист не откажется, если ему предложат выгодный контракт.

– Так, ладно с ней, с этой рекламой. Докладывайте, что у вас с выполнением графика.

– Идем с опережением. – Григулявичус подтянулся и стал четко докладывать: – Радио-взрыватели у нас качественные. Мы проверяли, они срабатывают даже в трехстах километрах от передатчика. Хотя все-таки желательно их активировать на расстоянии не больше ста пятидесяти, мы же не знаем, какие будут метеоусловия в день операции.

– Антенны?

– Подняты максимально высоко и тщательно замаскированы. Еще мы закрепили дополнительную антенну на рекламном плакате, что должно увеличить дальность подачи сигнала на взрыв. Но из тринадцати быков плакаты мы пока установили только на четырех.

– Поставьте на восьми. Не будет заказов – неважно. Напишите крупными буквами, что место свободно для рекламы. Минноподрывного имущества хватит?

– Взрывателей достаточно. Мы закупили их с двойным запасом, и все уже провезли сюда в стройматериалах. Вот со взрывчаткой пока сложнее, ведь ее требуется десятки тонн.

– Тогда можно изменить схему минирования и продублировать детонаторы в каждой закладке. На каждый заряд устанавливайте шесть радиоустройств. Вы их проверяли?

– Выборочно. Отказов в работе не было, и тестировать все не стали. Фирма надежная и дает гарантию.

– Что там производитель обещает, значения не имеет, – отрезал полковник. – Если среди устройств имеются неисправные, то нужно это выяснить заранее. Тем более что с началом войны производство этих игрушек резко выросло, а значит, возросла вероятность брака. – Старинов невольно усмехнулся, представив себе иск в суд на недоброкачественного производителя, из-за которого сооружения Панамского канала уцелеют. – Аккумуляторы уже подключали?

– Да, ведь для нас главное скрытность. Мы соединяем всю цепь и сразу же тщательно маскируем, чтобы снаружи не было видно никаких следов установки.

– Рабочая частота?

– 607 килогерц.

– Какой режим таймера выставили? – Старинову приходилось работать в основном с отечественными устройствами, но в импортных, закупленных Григулявичусом, принцип работы был таким же. Для экономии электроэнергии приемник почти все время находится в выключенном состоянии, а часовой механизм периодически включает его на короткое время.

– Режим самый экономичный, емкости аккумулятора должно хватить на сорок суток. А мы их начали подсоединять седьмого ноября – за месяц до крайнего срока.

Задав еще несколько вопросов, полковник проникся осторожным оптимизмом. В целом работа группы Старинова устраивала. До сих пор он опасался, что ничего не получится, но пока все шло как по маслу.

* * *

Идея операции принадлежала одному старому работнику Внешторга, который так же являлся не менее старым сотрудником госбезопасности. Когда лучшие диверсанты страны опустили руки и признали невозможность закладки десятков тонн взрывчатки под носом у противника, Меркулов решил проконсультироваться у специалистов по торговле. Его расчет оправдался – торговцы оказались великими специалистами по человеческим душам. Смысл рекомендаций сводился к тому, что в капиталистических странах все люди работают исключительно за деньги. Следовательно, если удастся убедить капиталистического чиновника в том, что о взятке никто не узнает, то он ее охотно примет и выполнит требуемое.

План был следующим. Сначала нужно уговорить инженера, следящего за гидротехническими сооружениями Панамского канала, вынести вердикт о плохом состоянии плотины водослива. Каким бы принципиальным инженер ни был, но, получив сумму, превышающую его

зарплату за десять лет, подпишет все что угодно. Следующая задача более сложная – необходимо, чтобы подряд на ремонт плотины выдали никому не известной организации.

Пока внешторговец раздавал взятки чиновникам, шла подготовительная работа. В кратчайшие сроки была выкуплена у владельцев маленькая строительная фирма. Вполне официально закупалось водолазное оборудование, стройматериалы, взрывчатка. Радиомины обычным строителям были ни к чему, и их доставали через подставные лица. К тому времени, как контракт был подписан, все необходимое для ведения работ уже имелось в наличии, и диверсанты начали бурную деятельность. Так как им разрешили действовать по обстоятельствам, то они дали волю своей фантазии. Совершенно вошедший в образ «акулы капитала» внешторговец не забыл выбить право размещать рекламу на ремонтируемом объекте. Узнав об этом, Григулявичус, руководивший операцией, решил, что ее действительно стоит разместить. Когда американцы увидят такие знакомые с детства плакаты, то они воспримут строителей как нечто родное и не станут искать здесь шпионов.

Разрабатывая план операции, ее организаторы не забыли сделать все возможное, чтобы перевести стрелки на Японию. На всех официальных переговорах, которые вело новое руководство фирмы, обязательно присутствовало несколько китайцев. Они держались в сторонке, ни во что не вмешивались и только слушали, что им говорят переводчики. Этого было вполне достаточно. В случае расследования все свидетели честно подтвердят, что главными в этой фирме были японцы. Разумеется, не забыли приготовить обрывки японских газет и записки с иероглифами, в которых подробно перечислялись используемые стройматериалы и подсчитывалась смета расходов.

* * *

Закончив инспекцию, Старинов тут же заторопился в обратный путь. Дел на фронте у него было много, и задерживаться не стоило. Да и рука, дважды простреленная финским снайпером, в таком влажном климате начинала болеть. Ее бы подлечить, но совершенно нет времени, чтобы лечь в госпиталь.

* * *

Жизнь в полевом госпитале постепенно налаживалась. Здесь даже стали включать электричество – сначала изредка, а потом постоянно. Теперь ночью врачи могли оперировать при свете настоящих светильников, а не сделанных из плашек с салом.

В моей палате установили немыслимую роскошь – радиоприемник, на котором Ландышева разрешила старшим командирам прослушивать передачи «От Советского Информбюро». Остальные узнавали новости с фронтов от санитарок, которые записывали сводки, а потом переписывали и читали во всех палатах раненым. Своей радиоточки в госпитале не было, и раньше санитаркам приходилось бегать за сводками в соседние части. Разумеется, Ландышева не могла их не пожалеть и открыла постоянный доступ к приемнику, лишь отгородив мой письменный стол ширмой для соблюдения секретности.

В сводках все чаще упоминались освобожденные населенные пункты – в основном села, но иногда даже небольшие города. Какой-либо системы в продвижении войск не наблюдалось. Удары наносились в разных местах, и на первый взгляд казались хаотичными. Но зная, что верховное командование уже изучило опыт «той» войны, я мог точно сказать, для чего это делается – чтобы немцы не смогли определить направление главного удара. Руководство вермахта не знает, где ему ждать наступления противника, и ему придется распылить свои силы. Опять-таки, небольшие удары могли послужить разведкой боем, чтобы выявить уязвимые места в немецкой обороне.

В начале ноября наиболее ожесточенные бои шли под Харьковом, где немец не оставил попыток продвинуться вперед. Именно с них обычно начинались сводки Совинформбюро. Судя по количеству уничтоженных в воздушных боях и на аэродромах самолетов противника, туда были стянуты значительные силы авиации с обеих сторон. Чем там закончится дело, пока неясно, но харьковский паровозостроительный завод не эвакуировался и продолжал выпускать танки. Видимо, руководство страны полностью уверено в том, что город удастся отстоять.

В районе Брянска наш фронт постепенно выгибался в сторону противника. Здесь медленно, но упорно войска продвигались на юго-запад, угрожая окружить Курск, в котором застрял Гудериан с остатками своей танковой армии. Положение Быстроходного Гейнца осложнялось тем, что железная дорога, по которой немцы могли бы снабжаться, находилась на южном берегу Сейма и прочно удерживалась нашими войсками.

Когда успели снять блокаду Ленинграда, из сводок было непонятно. Просто сначала сообщали о том, что все атаки фашистов успешно отбиваются, а потом врагов отбросили от города, и с каждым днем отбрасывали все дальше и дальше.

Что же касается нашей 22-й армии, то ей без особых усилий удалось расширить Торопецкий выступ километров на тридцать к северу. Дело в том, что на правом фланге нам противостояла 281-я охранная дивизия вермахта. До этого им доверяли лишь небольшой участок, прикрытый озером Лучанское. Но после нашего сентябрьского наступления, в котором мне пришлось участвовать, линия фронта сильно растянулась, и дивизия, предназначенная для охраны тыла, стала лакомой целью для советского командования. Было достаточно небольшого нажима, чтобы немцы предпочли отойти на два десятка километров к западу, оставив большой поселок Бологово. После этого отхода наши войска почти вплотную приблизились к границам Новгородской области, которая, впрочем, пока входила в состав Ленинградской области. По этому поводу в «Красной Звезде» появилась ехидная заметка о том, что германское командование мотивировало данный отход исключительно целью выровнять линию фронта. Однако после такого «выравнивания» Демянск, занятый немцами, оказался в глубоком мешке.

Каждое утро я, как и большинство раненых, начинал с того, что спускался в холл, где висела большая карта, на которой была обозначена линия фронта. Все чаще кусочки цветной бумаги, пришпиленные булавками, сдвигались в сторону запада. Пусть немного и лишь в некоторых местах, но все-таки это был успех. В воздухе висело предчувствие генерального наступления. По госпиталю даже пошли разговоры о том, что надо перебираться ближе к линии фронта. Каждый раз, когда из моей палаты выходила санитарка или медсестра со свежими новостями, ее тут же окружали раненые с требованиями сообщить, какие населенные пункты еще освободили.

Чаще всего записями сводок занималась старшая операционная сестра Нина Иванцова. Не знаю, как она все успевала делать. Помимо прямых служебных обязанностей, ей приходилось и бинты стирать, и снег убирать. Не удивлюсь, если она вместе с местными жителями еще и окопы копала. Грозную энкавэдэшницу она ничуть не боялась и даже осмеливалась с ней спорить. Например, однажды Ландышева, гордившаяся своим ростом метр семьдесят, считавшимся в это время очень высоким, пошутила о том, какой маленький в госпитале начальник. Он действительно доставал сержантше лишь до плеча, но Нина тут же с негодованием встала на его защиту:

– Вы зря так говорите, товарищ сержант госбезопасности. Низкий человек или нет, надо мерить по его душе и поступкам, а не по телу. Вот до этого у нас начальником госпиталя был Малых. Когда мы размещались в Торопце, немцы однажды начали бомбить эшелоны с ранеными, и тут же на станции стоял состав с боеприпасами. Мы бросились относить раненых в безопасное место, и наша медсестра Аня спросила Малых, где взять носилки. Так он, видно, просто ошалел от страха, и в ответ на вопрос просто взбесился и схватился за наган. Хорошо, наш комиссар Цинман успел схватить его за руку и не дал застрелить Аню.

– Какой-то Малых неадекватный, – нахмурилась Ландышева. – Вместо того чтобы организовать эвакуацию, стреляет в подчиненных. Где он сейчас? Я сообщу в органы, чтобы с ним разобрались.

– Да уже разобрались, – махнула рукой Нина. – Как раз после этого нам Иванова и прислали.

Чтобы разрядить обстановку, я спросил о том, когда госпиталь располагался в Торопце.

– В начале августа. Но там мы пробыли меньше месяца. Потом немцы прорвались, и госпиталь пришлось срочно эвакуировать. Мы его свернули, когда фронт был уже в четырех километрах. Еще немного, и опоздали бы. Страшно подумать, что было бы, если бы мы не успели.

– Что фашисты делают в таких случаях, мне уже рассказывали, – вздохнул я. – У нас в полку есть ребята, которые участвовали в освобождении Великих Лук. Там немцы успели пробыть только два дня, но им этого времени хватило. В нашем госпитале, который не успели эвакуировать, они убили всех. Не только раненых, но и врачей с медсестрами. А еще для фашистских летчиков госпитали это любимая цель.

– Да уж знаем, – кивнула Нина. – Они как-то сбрасывали листовки, в которых предупреждали, чтобы медицинские учреждения вывесили белые полотнища с красными крестами. А потом прилетело много самолетов, и начали колотить по всем госпиталям, которые это сделали.

– Одним словом – фашисты. А где вы в Торопце находились?

– В школе. Нам город понравился. Красивые старинные дома, приветливые люди. Спасибо вам и всем остальным, кто его освобождал. Вы знаете, мы ожидали, что после штурма Торопца к нам хлынет поток раненых, и очень обрадовались, что их оказалось сравнительно немного. И не думайте, вовсе не потому, что нам меньше работы.

– Город действительно красивый, – согласился я с Ниной. – К счастью, он не сильно разрушен. Только мы там недолго оставались, всего один день. Кстати, наша рота тоже размещалась в школе, в физкультурном зале.

– А у нас там перевязочная была. Вот видите, все время наши пути пересекаются, но вы все же попадайте к нам пореже.

* * *

Следя за обстановкой на фронте, я не забывал писать свои рекомендации по тактике и военной технике. Пребывание на фронте весьма способствовало освежению памяти, и все когда-либо прочитанное по этим темам само собой вспоминалось. А когда умные мысли все же закончились, я решил, что раз кроме армии еще существуют партизанские отряды, то можно написать отдельные рекомендации и для них. Упор при этом делал не на диверсионные операции, так как в стране имеется много специалистов, разбирающихся в этом вопросе лучше меня, а на идеологию. Я хорошо знал, что у жителей оккупированных территорий нет никакой информации о положении дел на фронте, и они начинают верить тому, что Москва и Ленинград пали. Кроме того, нужно не просто уничтожать пособников оккупантов, а разъяснять им, что для них еще не все потеряно. За правильное поведение их потом простят и не будут считать предателями, а за неправильное казнят. Если это не сделают партизаны, то после освобождения данной территории нашими войсками наказания все равно не избежать. В общем, все примерно так же, как в сорок четвертом году нашей истории. Главное, информировать о действительном положении дел, а там люди сами поймут, что поражение Германии неизбежно.

Запечатав конверт, я адресовал его Центральному штабу партизанского движения и, отдав Ландышевой, с чувством выполненного долга отправился на боковую. Но у сержантши понятие о долге сильно отличалось от моего. Вскоре после полуночи она растолкала меня и вручила конверт с ответом. Кстати, интересно, какой путь проходит моя корреспонденция.

Насколько я понимаю, Ландышева сама не занимается шифровкой сообщений. Наверно, она передает их особистам какого-то соединения. А может, мои послания отвозят специально выделенным для этого самолетом.

Похлопав спросонья глазами, я все-таки смог уловить смысл написанного – такого адресата не существует. В настоящее время штаб партизанского движения создан лишь в Ленинградской области. Правда, он еще руководит действиями партизан на оккупированных территориях Новгородской и Калининской областей, но все равно этого мало.

Я не отношусь к тем людям, которых ночью разбуди, и они сразу дадут ответ на любой вопрос. Лишь спустя час мне удалось припомнить, что центральный штаб действительно был создан только через год после начала войны, когда стало понятно, что немец еще силен и продолжает наступать.

Теперь мне пришлось писать новую рекомендацию, теперь уже по созданию центрального штаба партизан. За этими трудами прошла вся ночь, а утром меня уже потащили на банкет. В связи с октябрьским праздником выходило все больше указов о награждениях и присвоении частям и соединениям званий гвардейских. Ни одного дня не обходилось без того, чтобы кто-нибудь не устраивал маленькое торжество. Вот и сейчас объявили, что 29-й истребительный полк, который прикрывает нашу армию, преобразовывается в 1-й гвардейский. В госпитале нашлось два летчика из состава полка, и естественно, они решили отпраздновать свое звание гвардейцев, а заодно еще и ордена.

По такому случаю медперсоналу пришлось закрыть глаза на некоторые нарушения режима и принести именинникам канистру с требуемой жидкостью. После второй кружки разведенного в жуткой пропорции спирта кто-то из гостей поинтересовался у гвардейцев, почему их так редко видели в небе.

– А нас трудно увидеть, мы птицы редкие, – пошутили летчики. – Сами посудите, к началу октября в полку оставалось только семь машин – три «чайки» и четыре «ишачка». А нам надо сопровождать полк штурмовиков, полк бомберов, да еще прикрывать наземные войска. Мы, конечно, не единственная истребительная часть на фронте, но в других дела обстоят не лучше.

– Тогда за вас тем более надо выпить, – раздались возгласы. – Вы у нас действительно герои. Наливай по новой.

От очередной порции горячего меня избавила санитарка, передавшая приглашение начальника госпиталя зайти к нему.

Ничуть не смущаясь того, что от меня пахнет спиртом, мало ли, может, меня им растирали, я постучался в нужный кабинет. К моему удивлению, Иванова там не оказалось, зато сидел незнакомый энкавэдэшник.

– Уполномоченный особого отдела 178-й дивизии лейтенант НКВД Климов, – тут же представился незнакомец.

Вот это я попал. Опять кто-то хочет меня забрать, а моя охранница где-то шляется, и как раз тогда, когда нужна больше всего.

– Вы, наверно, путаете, я из 179-й дивизии.

– Вот вас-то мы и искали. Вы были 24 сентября в Мартисово?

– Так, сейчас подсчитаю. Если Торопец мы взяли 25-го, то да, был.

– И вы подсказали старшине, заведующему складом с трофеями, что у него имеется очень важная шифровальная машинка. – Это был не вопрос, а утверждение. – Но так как особый отдел его дивизии в тот день еще не переехал, то он обратился к первому же найденному им особисту, то есть ко мне. А с вас теперь надо взять подписку о неразглашении. Кстати, поздравляю. Старшине дали орден, а вам положена медаль «За боевые заслуги».

Ну, это уже другое дело. Кажется, никто меня похищать не собирается. Окончательно меня успокоило появление Ландышевой в компании Куликова и уже знакомого великана-пограничника, причем все трое держали в руках оружие.

– Что здесь происходит? – спросили одновременно майор и особист.

В двух словах я разъяснил ситуацию, тем более что подписку о неразглашении еще не давал.

– А почему я не слышал об этой машинке? – недовольно повысил голос Куликов, возмущенный моей безответственностью.

– Но мы же в тот день шли в наступление, а потом уже было не до этого. Да и завсклада обещал передать ее куда надо.

– Ну хорошо, – повернулся Куликов к особисту. – Будет вам расписка, только напишите текст сами, а товарищ Соколов подпишет.

В чем тут дело, догадаться было нетрудно. Составлять важный документ карандашом было нельзя, а писать чернилами я не умел. Впрочем, накалять перьевой ручкой даже всего лишь свою фамилию тоже оказалось непросто. С первой же попытки я заляпал листок чернилами, и лейтенанту пришлось писать новый экземпляр текста.

– Меня недавно контузило, – смущенно пояснил я, – да еще кучу осколков из плеча вытащили.

– Понимаю, – сочувственно кивнул Климов. Он набрался терпения и быстро строчил листок за листком, так как, несмотря на все мои старания, я ставил огромные кляксы на место подписи.

Наконец, получив с шестой попытки требуемое, он собирался попрощаться, но не тут-то было. Теперь уже Куликов потребовал с особиста расписку о неразглашении всего, что он тут узнал. Однако и после этого Климова никто отпускать не собирался.

– Сначала мы должны удостовериться, что вас сюда действительно послали.

– Но вот же мои документы, а сержант Варенко неоднократно меня видел в особом отделе армии.

– Действительно, видел, – подтвердил пограничник, продолжая держать в руках автомат.

– Да нет, в вашей личности я и не сомневаюсь, – улыбнулся майор. – Но надо выяснить, действительно ли вам давали такой приказ, и кто именно давал. А пока не придет подтверждение из вашей дивизии, будете сидеть здесь.

* * *

Оставив особиста скучать в компании двух пограничников, Куликов прошел со мной в палату и разъяснил цель своего приезда:

– Предлагаю вам сегодня съездить посмотреть на экспериментальные самолеты. Если вы увидите их, так сказать, вживую, то, может быть, вспомните еще что-нибудь. Заодно познакомьтесь с летчиками 31-й авиадивизии, которые работают на вашем участке фронта. Раз новые самолеты проходят фронтовые испытания недалеко отсюда, а именно в 198-м штурмовом авиаполку, но нам надо этим воспользоваться. А интересно, они случайно прислали их именно сюда?

– Возможно, и случайно. Я помню, что КБ Поликарпова посылало свой И-185 как раз на Калининский фронт.

Куликов бросил на Ландышеву многозначительный взгляд, и поспешил пояснить:

– Это условное название Резервного фронта.

Тут я понял свою промашку. Немцы находились в двухстах километрах от Калинина, как в это время называлась Тверь, и Калининский фронт в этом мире уже никогда не появится.

* * *

На аэродром мы сразу не поехали, так как, несмотря на наличие гэбэшных корочек и кучу важных бумаг, нам сначала желательно было получить пропуск в штабе 31-й смешанной авиадивизии, куда входил нужный нам полк. И оказалось, что мы не зря решили действовать по правилам, так как штурмовики недавно передислоцировались, и без сопровождающего мы бы их быстро не нашли.

Хотя командира дивизии Руденко, недавно получившего генеральское звание, в штабе не оказалось, но его зам, заранее извещенный о приезде Куликова, тут же организовал нам сопровождение. Как раз в ту сторону отправлялся воентехник Филиппов из звена управления дивизии. Где-то там недавно приземлился на брюхо истребитель, а Филиппов как раз занимался поиском и восстановлением подбитых самолетов.

Воентехника мы усадили в нашу «эмку», которую майор на время реквизируют у местных особистов, а за нами ехала целая колонна. Машины авиаторов бежали резво, а вот старенький грузовичок, набитый пограничниками, которых нам выделил особый отдел армии, постоянно отставал. Иногда он совсем останавливался, и нам приходилось ждать, пока водитель снова уговорит свой драндулет завестись.

– Повезло вам, – заметил Куликов во время очередной остановки, – новую технику выдали.

– Нет, не выдали, – покачал головой Филиппов. – Это мой трофей.

– А, так это вы тот самый техник, который из речки сейфы выловил?

– Он самый, – подтвердил наш шофер-энкавэдэшник, нередко возивший высокое начальство и знавший некоторые секреты. – Ему потом благодарность за это объявили.

– Что еще за история? – заинтересовался я. – Секретная?

– Ну, раз уже все знают, то и вам можно рассказать, – не стал отпираться Куликов. – Я изложу версию случившегося согласно рассказу здешних особистов, а если что не так, то товарищ Филиппов меня поправит. Так вот, авиационные техники, как обычно, узнали об очередном подбитом самолете и отправили техническую команду на его поиски. Пока нашли, пока подняли в кузов, уже стемнело. Ночью ехать нельзя – дорога сильно размокла, и они решили переночевать в копнах сена. Вокруг все было тихо и спокойно, и вдруг подбегает военный в командирском плаще, но без знаков различия, и начинает кричать, что сюда идут танки противника. Филиппов отвечает, что связывался со штабом дивизии, и угрозы пока нет. Военный с предусмотрительно споротыми петлицами махнул на него рукой и скомандовал своим людям спустить в реку два грузовика и «эмку». Но кроме машин, они бросили в воду еще что-то увесистое. Наутро авиаторы подошли к реке и увидели затопленные у самого берега автомобили. Оставлять их было жалко, поэтому технику прицепили машины тросом к своим грузовикам и вытащили.

– Ну да, – подтвердил Филиппов, – вот эти самые грузовики, которые едут за нами. Еще была «эмка», но ее нам не оставили.

– Но там в воде оставалось еще что-то, – продолжал свой рассказ майор. – Обогрившись немного у костра, техники снова полезли в ледяную воду. Оказалось, что на дне лежат сейфы. Все встревожились, ведь там могли быть важные документы. Их тоже достали и привезли на аэродром. И действительно, когда сейфы вскрыли, то в них оказались планы наших оборонительных сооружений. Все бумаги тут же доставили в штаб Западного фронта. Естественно, паникеров нашли и наказали, а машины оставили авиаторам, которые их честно заслужили.

Пока я слушал рассказ, злосчастный грузовик наконец завели, и он снова пополз вперед, то и дело застревая в грязи. Другие автомобили явно были полностью исправными, но и им приходилось несладко. Иногда топкие места удавалось объехать по обочине, хотя и засыпан-

ной снежком, но более проходимой, чем размочаленная колесами дорожная колея. Я с интересом наблюдал битву машин с грязью, так как все время, пока была распутица, пролежал в госпитале, и эта сторона здешней жизни от меня ускользнула.

– Сейчас еще хорошо, – заметил Куликов, – земля подмерзла и дороги стали более-менее проезжими. А вот еще неделю назад этот путь занял бы раза в три больше времени, и то если не забыли захватить шанцевый инструмент. А теперь здесь, можно сказать, автодром.

– Да уж, действительно автодром, – проворчал я. – Только для испытания вездеходов в экстремальных условиях.

Майор невольно улыбнулся, вспомнив, что в моем мире я ездил только по асфальту. Для него же эта дорога была самой обычной.

– А ведь это гражданская техника, – кивнул я в сторону нашей небольшой колонны.

– Ну да, – согласился Куликов, еще не понявший, к чему я клоню, – мобилизованная из народного хозяйства.

– Но для армии наши заводы продолжают выпускать такие же машины. Да и американские, которые нам должны поставлять союзники, на самом деле ненамного лучше.

– А что тут поделаешь, – грустно пожал плечами Куликов. – Конечно, хотелось бы насытить армию полноприводными грузовиками с шинами регулируемого давления, но пока это из области фантастики.

– Но кое-что сделать все-таки можно. Раньше я об этом не задумывался, да и вообще мы с вами больше обсуждали танки и истребители.

– Остановите, – приказал майор водителю. – Идите, пока покурите.

– Так вот, – начал я, когда нас оставили вдвоем. – У нас в будущем военную технику делают с односкатными колесами. Это касается не только бронетранспортеров, но и грузовиков. Также очень важно максимально возможно увеличить диаметр шин. Двухскатные задние оси с маленькими колесами, очень распространенные в гражданских моделях, сильно снижают проходимость машин по бездорожью. Полагаю, надо попросить американцев внести изменения в ленд-лизовские грузовики. Вряд ли они откажутся, ведь конструкция не усложняется. Можно предложить еще одно нововведение – широкие шины низкого давления. Правда, для них требуются эластичные и прочные боковины, которые у нас в стране, наверно, еще не разработаны. Но их можно заказывать за рубежом.

– Интересная идея, – согласился Куликов. – Я потребую устроить сравнительные испытания и по их итогам внести изменения в военные заказы.

* * *

Пока машина медленно ехала по лесной дороге, Филиппов объяснил, почему пришлось срочно передислоцировать полк. Немцы недавно обнаружили аэродром, причем по вине самих летчиков, которые, возвращаясь с задания, привели за собой вражеского разведчика. Фашист спокойно сделал круг над аэродромом, а наши зенитчики гадали, свой самолет или чужой. Наконец, придя к выводу, что это свой, с соседнего аэродрома, они отошли от орудий. Начальник штаба скомандовал по телефону открыть огонь, но на зенитной батарее никто не брал трубку. Все вышли из блиндажа поглазеть на заблудившийся самолет. Так он и ушел безнаказанно.

После этого командир полка решил, что надо как можно скорее перелетать на запасной аэродром, однако к тому времени его еще не успели подготовить. Дело в том, что на том месте полк находился недавно. Для нового аэродрома еще нужно было найти большую площадку, пригодную для летного поля, и дело усложнялось тем, что подходящих мест здесь очень мало. То местность слишком открытая, так что негде укрыться от бомбежки, к тому же болотистая. То сплошной лес, выкорчевывать который пришлось бы очень долго.

К счастью, авиаразведке удалось обнаружить в лесном массиве большую поляну, не обозначенную на карте. Она образовалась недавно от пожара, и по размерам как раз подходила для полевого аэродрома. А километрах в трех от нее находилась большая деревня, в которой легко можно было расквартировать весь полк.

После изучения находки сразу же принялись за работу. Готовил площадку весь личный состав, включая техников и летчиков. Вместе с жителями окрестных деревень они корчевали пни, вырубали кустарник, возили грунт. Работали посменно днем и ночью, и уже через три дня взлетно-посадочная полоса была готова.

– Теперь осталось только сделать сносную дорогу, – добавил лейтенант, когда машина подпрыгнула на очередной колдобине. – А то пока летчиков до аэродрома доведут, растрясут так, что они в воздух подняться не смогут. Так вот, пока готовили запасной аэродром, непогода держала фашистские самолеты на земле, не давая им взлететь. Но вот наконец все было готово, и можно перелетать. К рассвету моторы уже прогрели, и самолеты начали выруливать. И как раз в это время появляется девятка «юнкерсов». Зенитчики начали стрелять, но безрезультатно. Истребители мы вызвать уже не успеваем. Первое звено бомбардировщиков высыпало бомбы на краю аэродрома, но следующие сделают нужную поправку и не промахнутся.

Филиппов сделал эффектную паузу, достал беломорину и не спеша затянулся.

– Но наш комполка не растерялся и повел самолет на взлет, – продолжил рассказчик, вдоволь насладившись нашим нетерпением. – Прямо от капониров, под углом к взлетной полосе. Остальные летчики за ним. Ну ничего, все взлетели. Фрицы отбомбились по нашему аэродрому точно, но особых потерь не нанесли, если не считать несколько десятков сгоревших макетов самолетов. Ну вот, и теперь летчики базируются здесь. За теми деревьями уже будет видно поле.

* * *

Подъезжая к аэродрому, мы заметили самолет, словно вынырнувший из леса и пронесшийся над самыми верхушками деревьев. Он тут же пошел на посадку, не делая круг над полем. Сразу же за ним выскочила вторая машина, и также, не давая круга, поспешно приземлилась. Севшие машины тут же подрулили к краю поля и скрылись под ветвями деревьев.

Часовой, которого мы спросили, где найти командира полка, указал в сторону высокой сосны, на которой была оборудована площадка для наблюдателя. Под ней и находилась землянка командного пункта. Дежурный, увидев майора госбезопасности, вытянулся и доложил, что комполка сейчас у капониров, встречает пилотов, вернувшихся с задания.

Машину нам пришлось спрятать в зарослях, так как выезжать на поле категорически запрещалось, и дальше мы пошли пешком.

Оказывается, к нашей встрече уже успели подготовиться. К счастью для нас, над немецкими аэродромами сегодня шел снег, и вражеских налетов можно было не опасаться. Поэтому специально к приезду высокого начальства в лице Куликова экспериментальные самолеты выкатили из капониров и установили среди деревьев на краю летного поля. Натянута над ними маскеть позволяла не опасаться обстрела какого-нибудь шального немца, все же осмелившегося вылететь в непогоду.

Я не специалист по авиации, но основные модели военной техники, используемой в это время, узнать могу. Однако самолеты, собранные здесь, были какие-то странные, одновременно похожие и не похожие на известные мне по фотографиям. Только два из них, стоявших в сторонке, я мог более-менее уверенно опознать. Это были Ил-2, характерный горбатый профиль которого трудно спутать с чем-либо. Вот только нос у них был не заостренный, а тупой, будто обрубленный. Что интересно, в отличие от выпускаемых сейчас штурмовиков, у

этих экземпляров кабина была двухместной, правда без установленного пулемета воздушного стрелка.

Похоже, как раз эти самолеты и вернулись только что с задания, так как вокруг каждого толпилось не меньше десятка человек. Одни занимались послеполетным осмотром, выискивая повреждения, полученные машинами, и контролируя исправность различных механизмов. Другие внимательно слушали пилотов, которые оживленно жестикулировали. Когда мы подошли поближе, стало ясно, что в полете произошло нечто экстраординарное.

– Под трибунал надо их отдавать, что за безалаберность такая, – слышались возмущенные возгласы.

Увидев Куликова, командир полка подполковник Горлаченко, облаченный в такой же комбинезон, как и механики, и отличавшийся от них только фуражкой, тут же отдал команду строиться и представил нам пилотов, вернувшихся из вылета.

– Это наши лучшие летчики – капитан Туровцев и лейтенант Бондаренко. Хорошая пара, они еще в Финскую вместе летали.

Все присутствующие на минуту оторвались от своих дел и вытянулись по стойке смирно. Лишь двое механиков, отличающиеся от остальных цветом спецовок, не торопясь вытерли ладони ветошью и спокойно поздоровались с Куликовым за руку, по старой привычке назвав его капитаном.

– Вот, товарищи из Москвы прибыли, – повернулся Горлаченко к летчикам. – Расскажите им, что сегодня случилось.

Туровцев начал свой рассказ сначала.

– Вылетели на задание, цель обнаружили, а к штурмовке приступить не можем. Нет обозначения переднего края нашей пехоты. А ведь был строгий приказ всем частям иметь опознавательные полотнища, которые нужно выкладывать впереди своих боевых порядков. Их же предупредили, что сейчас будет действовать наша авиация. Но мало того, что передний край наших войск ничем не обозначен, так они еще нас обстреляли. Хорошо, что у меня был запас ракет. Повторяю сигнал – красная ракета и выпущенное шасси. Никакой реакции. Ладно, подаю вчерашний сигнал – зеленая ракета и несколько левых кренов. Все равно стреляют.

– Наверно, эту часть только недавно перебросили с Резервного фронта, – предположил Куликов. – В ней наверняка батальонами командуют старлеи из начсостава запаса.

– Там действительно новая дивизия, они только-только здесь обосновались. Но если ее командиры не поумнеют, то командовать им долго не придется. Или под суд пойдут, или свои же по ним отбомбятся. Ведь там на самом деле не разберешь, где наши, а где немцы. Несколько линий траншей, перерывов воронками, как старыми, засыпанными снегом, так и свежими. И из каждого окопа по мне стреляют.

– Вот как раз специально для таких разгильдяев и ввели штрафбаты, – заметил Куликов. – Повоюют месяц-другой обычными красноармейцами и научатся беречь чужие жизни. Так что было дальше?

– Ну что тут поделаешь, – пожал плечами летчик, – ведь если наносить удары на линии боевого соприкосновения, то на самом деле можно угодить в своих. Хорошо, что мы на свободной охоте. Махнули на них рукой и полетели к резервной цели – железной дороге. Там нам повезло – застали в пути эшелон. До станции, где сильное зенитное прикрытие, он дойти так и не успел. Мы и отработали его по полной программе. После двух заходов все вагоны уже горели.

– А что вез состав? – уточнил майор.

– Сено.

– Это хорошо. Считай, целую дивизию корма лишили. А что вы скажете по новому самолету?

– Двигатель слабоват, товарищ майор госбезопасности. Хотя на моей машине особых дефектов нет, но по летным характеристикам она все-таки не дотягивает до стандартной модели. Вот если бы мотор форсировать. Еще разочарован, что прицел ПБП-1 не поменяли. При аварийных посадках летчики часто травмируются, когда ударяются об него головой.

– А его еще используют? – удивился я. – Насколько мне известно, вместо него собирались нанести визирную сетку прямо на лобовое бронестекло. И обзор улучшится, и целиться будет удобнее.

Куликов быстро записал мои слова в блокнот и попросил всех высказать свои замечания не только по экспериментальным образцам, но и по серийным машинам. Было видно, что он все эти жалобы уже не раз слышал, но хотел, чтобы я вспомнил что-нибудь полезное.

– Зима начинается, товарищ майор госбезопасности. Может быть, поставить самолет на лыжи?

– Ну, я понимаю, что батальону обслуживания лень снег расчищать, однако это не выход. Пробег при посадке на лыжи значительно возрастет.

– А еще фонарь часто заклинивает при обстреле.

– Это действительно надо исправить, – вмешался я. – После попадания снарядов в бронекорпус он часто коробится и заклинивает сдвижную часть фонаря. Это стоило жизни многим летчиков, не сумевшим выпрыгнуть с парашютом или пострадавшим при аварийной посадке. На штурмовике фонарь должен открываться вбок.

– С колесами надо что-то делать, – заметил техник, осматривающий шасси. – Если во время вылета шину прострелят, то при посадке машина опрокидывается.

– Так шины у штурмовика надувные? – изумился я. – Это непорядок. Конечно, по вашим авиационным дутикам я не специалист, но точно знаю, что у боевой техники шины должны быть не пневматическими, а заполняться пористой резиной. Ну как, например, у сорокапятки. Вес при этом возрастает незначительно, а аварийность при посадке снизится.

После колес перешли к двухместной кабине. К моему удивлению, летчики вовсе не горели желанием сажать заднего стрелка. Им было ясно, что с теми двигателями, которые сейчас стоят на штурмовиках, бронировать вторую кабину невозможно. А без бронезащиты стрелки будут очень быстро погибать. Поэтому опытные летчики предпочитали вылетать без стрелков, чтобы не снижать маневренность.

– Вот для молодых летчиков двухместные самолеты очень нужны, – подытожил свои размышления Горлаченко. – Маневрировать они все равно не умеют, а так хоть какая-то, да защита. Вот только тяжело им будет почти из каждого вылета привозить с собой погибшего товарища.

– По... э-э... расчетам, – я чуть не сказал «по статистике», – количество потерь должно снизиться в полтора-два раза, но конечно, с условием установки более мощного двигателя и изменения тактики.

– Вот-вот, – согласился комполка. – Подождем, когда появится мощный двигатель, а пока придется летать на одноместных машинах. Товарищи механики, не стесняйтесь, высказывайте свои замечания.

– Недавно прислали с завода новую машину, а у нее хвост деревянный. Что это за улучшение, – возмутился еще один техник, видимо специализирующийся на латании пробоев.

– Так и должно быть, – огорошил Куликов летчиков. – Еще на стадии проектирования предусматривалось, что полностью дюралюминиевый фюзеляж будут делать лишь в мирное время. А во время войны неизбежно возникает дефицит алюминия, и его приходится экономить.

Вот тут уже я достал блокнот и сделал себе пометку. В наше время апологеты ленд-лиза с пеной у рта доказывали, что именно ему мы обязаны своими победами. Однако в начале войны поставки были мизерными. Основной поток материалов начался только в сорок третьем году,

уже после коренного перелома в войне. Значит, надо надавить на Рузвельта, чтобы он честно выполнял договоренности по объемам поставок. Вот только сделать это можно будет лишь в следующем году, когда после потери Филиппин и большей части Тихого океана американцы поймут, что война для них началась по-настоящему. А еще можно пригрозить, что если союзники не выполнят своих обязательств, то это им аукнется при разделе сфер влияния после войны. Учитывая, что ход боевых действий в этой истории более благоприятный, американцы действительно могут не успеть к разделу пирога. Правда, в Европе они высадутся, как только мы выйдем к западным границам нашей страны, но так это нам как раз на пользу.

* * *

Тем временем летчики и механики затронули тему эрэсов, и разгорелся жаркий спор. Применять их или нет, вопроса не было, хотя все были согласны, что неопытные пилоты не умеют пользоваться новым оружием и их надо дополнительно учить технике ракетного залпа. Проблема была в другом – по какому пути повышать их эффективность. Все присутствующие разделились на две группировки. Одна из них, возглавленная Туровцевым, настаивала на увеличении числа направляющих для реактивных снарядов. Другие же, в том числе лейтенант Бондаренко, считали, что надо увеличивать не количество ракет, а их калибр.

Не зря все-таки майор привез меня сюда. Выслушивая мнение опытных пользователей, занимающихся эксплуатацией боевых систем, я время от времени вспоминал что-нибудь ценное. Отозвав Куликова в сторонку, я стал торопливо ему надиктовывать.

– Значительно увеличить количество ракет пока не получится. Для этого они должны располагаться в специальном контейнере, но нынешние эрэсы для этого не подходят. Надо разрабатывать новые реактивные снаряды, стабилизируемые вращением, или в крайнем случае со складными стабилизаторами. В любом случае на их создание уйдет много времени. А вот перевооружить штурмовик большими РС-132, пожалуй, можно. Немцы скоро выпустят сотни тяжелых танков, и против них нынешнее оружие будет малоэффективным. Дело в том, что уничтожить танк маленькой ракетой можно только прямым попаданием в моторный отсек, что очень трудно сделать. Кстати, обратите внимание. Залп реактивных снарядов выглядит очень эффектно – вражескую технику окружают взрывы, и летчики честно докладывают, что цель уничтожена. Исходя из этих докладов, командование считает, что танков у врага не осталось. А ведь на самом деле большинство из них остается неповрежденными.

– Учтем, – кивнул Куликов.

– И еще, объясните мне, почему штурмовики отправляют без истребительного прикрытия?

– Сколько в этой дивизии истребителей, вы в курсе, не так ли? А им надо два авиаполка сопровождать да еще пехоту прикрывать.

– Но ведь у нас много самолетов. Я точно знаю, что истребителей намного больше, чем «Ильюшиных».

– Это верно, много. Но значительная часть из них задействована в ПВО столицы, и снять их оттуда нет никакой возможности, они же прикрывают военные заводы. Достаточно одной-единственной немецкой эскадрилье прорваться к Москве, и какой-нибудь завод будет выведен из строя на многие месяцы. Эвакуировать всю промышленность невозможно, ведь тогда выпуск военной продукции тоже будет надолго прекращен. Впрочем, и в этом случае ослабить столичную систему ПВО все равно будет нельзя, так как Гитлер пытается разбомбить город, а там много мирных жителей. Да и к Харькову сейчас стягивают все резервы. В сводках передают, что там постоянно идут тяжелые бои.

– Нам бы еще немного продержаться, – вздохнул я. – Наступление немцев мы уже остановили, и подойти к Москве им не дали. Так что авиационные заводы и КБ эвакуировать не

пришлось. Выпуск самолетов все время увеличивается, и можно не сомневаться, что теперь все будет лучше.

– Будет, очень скоро будет. Сейчас многие полки переучивают на новую технику, и на фронте ее скоро появится много.

* * *

Тем временем механики все проверили и доложили, что смогут быстро устранить все повреждения. Еще до вечера самолеты подготовят к вылету.

– Сегодня вы уже не полетите, – охладил комполка обрадованных летчиков. – Вам надо писать подробный отчет о тренировочном полете.

– То есть как это тренировочном? – изумился я.

– В самом прямом, – пояснил Горлаченко. – Приказано не упоминать в документации, кроме секретной, конечно, о том, что экспериментальная техника используется на фронте.

– Это что же, – возмутился я, – воюют они по-настоящему, и пробоины от осколков в самолетах привозят, а в летных книжках боевой вылет у них отмечен не будет?

– Жаловаться бесполезно, – пожал плечами Куликов. – Мне на самом высоком уровне пояснили, что секретность превыше всего.

– Не переживайте за нас, мы же не за ордена воюем, – утешил меня Бондаренко.

– А награды от нас никуда не денутся, командование на них в последнее время не скупится, – добавил Туровцев.

* * *

Насмотревшись на «Илы», мы с Куликовым перешли к другим экспериментальным самолетам. Все они были истребителями и имели одну общую черту, а именно мотор воздушного охлаждения.

– Вот это весьма перспективная разработка, которая у вас не пошла в серию, И-185, – начал майор свои пояснения с повидавшей виды машины, на которой насчитывался не один десяток заплаток. – Среди наших истребителей у нее самое мощное вооружение – три пушки ШВАК. Хотя ее госиспытания еще не закончены, но тем не менее было решено перейти к войсковым испытаниям. Швецов скоро доведет до ума свой двигатель, и уже сейчас нужно выбирать, на какой истребитель его ставить.

– А это что за сладкая парочка, – указал я на два новых самолета, на которых не было видно пробоин. – Похоже на недостающее звено эволюции между самолетами ЛАГГ и ЛА.

– Вы почти угадали, это Гу-82.

– Что еще за «Гу»? Подождите-ка, кто там у нас входил в тройку мушкетеров – создателей ЛАГГа? Кажется, Горбунов и Гудков?

– Верно. Правда, на «Гу» вооружение еще слабовато, только пулеметы, хотя и целых четыре штуки. Но скоро на них установят две пушки, и тогда можно будет рискнуть отправить их в бой. Вон там еще есть Го-82, который Горбунов соорудил буквально за полтора месяца. Мы специально собрали здесь все эти самолеты, чтобы летчики могли объективно сравнить их. К тому же сюда прикомандировали лучших специалистов с завода для наблюдения за работой двигателя. К сожалению, карбюраторы пока часто разрегулируются, и их постоянно приходится настраивать.

Обойдя эту удивительную выставку и осмотрев экспонаты со всех сторон, я попробовал угадать название еще одного самолета. Так как все они стояли в ряд, то бросалось в глаза, что у этого истребителя был самый короткий фюзеляж и одновременно самый большой размах

крыльев. Сильно сдвинутая к хвосту кабина не оставляла сомнений, и я уверенно ткнул в него пальцем:

– Это МиГ-3.

– Верно, но только уже не третий, а девятый. Именно такой номер присвоили модификации самолета с двигателем М-82. Конструкторов предупредили, что от их высотного истребителя скоро откажутся в пользу «Яка», и они поспешили создать новую конструкцию.

– А таировский Та-3 тоже будут испытывать?

– Будут, но по двухмоторным штурмовикам не все так однозначно. Несомненное преимущество – это возросшая полезная нагрузка и теоретически большая живучесть самолета, который может лететь на одном двигателе. Обзор улучшается, расположение пушек, которые можно установить в центроплане, более выгодное. Однако есть и серьезные минусы. На Ил-2 бронирование выполнено в виде единой оболочки, защищающей моторный отсек, бак и кабину пилота. А если установить два двигателя на крыльях, то площадь бронированной поверхности, а следовательно, и вес всей конструкции значительно вырастут. Из-за этого, а также из-за двигателей, расположенных в крыльях, маневренность хуже. Еще один важный недостаток – это дефицит моторов, который сейчас испытывает наша промышленность. Нет никакой уверенности, что один двухмоторный штурмовик будет настолько же результативным, как два одномоторных. Но конечно, это все в теории. Чтобы это проверить, надо проводить полномасштабные войсковые испытания.

– А почему истребители передали для испытаний штурмовому полку? Ведь летчики не умеют ими управлять.

– Еще как умеют. Этот полк не простой, весь летный состав в нем набран из бывших истребителей. В первый день войны мы потеряли очень много самолетов на аэродромах, и из пилотов, оставшихся безлошадными, стали формировать штурмовые авиачасти. Им дали всего неделю на переобучение. Сначала сделали по три вылета на Су-2, потом научились пилотировать и сам штурмовик. Ну, а сбрасывать бомбы и пускать ракеты учились уже в боевых условиях.

* * *

Вернувшись вечером в госпиталь, я сначала завалился спать, но то и дело вскакивал, чтобы записать очередное воспоминание, касавшееся авиации. То, что я раньше видел на фронте, и новая информация, полученная сегодня, соединившись, дали обильную пищу для размышлений. Думать приходилось обо всем – как лучше построить взаимодействие родов войск, как организовать авиацию фронта, что можно улучшить в системе производства. Затронув очередную тему, я мысленно распутывал за ниточку весь клубок смежных проблем. Например, задумавшись о производстве, я вспомнил о проблемах быта рабочих и, в первую очередь, об их питании. Чтобы выделить передовикам порцию мяса, директорам завода приходилось согласовывать это буквально на уровне наркомата.

Было еще много вопросов, в том числе те, по которым меня Куликов никогда не спрашивал. Только под утро, исписав и изрисовав кучу листов, я наконец-то смог успокоиться и снова прилечь. После двух бессонных ночей организму хотелось провалиться в сон, что он и сделал еще до того, как я упал на кровать.

Глава 3

В глубоком подвале, который еще при строительстве здания оборудовался как бомбоубежище, вторые сутки безвылазно сидел командующий второй танковой армией вермахта.

От Курска к тому времени ничего не осталось. Сначала его покинули все жители, а потом была уничтожена большая часть домов. Пока русские обороняли город, его усиленно бомбили и обстреливали немцы. Затем, когда Курск был захвачен, по нему работала уже советская артиллерия. Правда, обстрелы были редкими, но Гудериан подозревал, что это вовсе не от нехватки боеприпасов, просто русские быстро учатся. Теперь они стреляют только по достоверно известным и разведанным целям. Во всяком случае, когда им стало известно расположение штаба девятой танковой дивизии, они сразу же обрушили на него ураганный огонь, не жалея снарядов, так что уничтожили целый квартал.

Свой дневник генерал не доставал уже давно. Неординарные события, начавшиеся больше месяца назад, не оставляли ни минуты свободного времени. Собственно говоря, времени не хватало и сейчас, но ведение дневника было способом прийти в себя и успокоить нервы. А нервничать было из-за чего. До сих пор его танковая группа хотя и встречала стойкую оборону, но всегда находила возможность обойти окопавшегося противника и взять его в клещи. А вот в операции «Тайфун» все пошло неправильно с самого начала. На пути наступающих войск вдруг оказались прекрасно организованные оборонительные линии, насыщенные противотанковым оружием. Единственным крупным успехом немцев было взятие Курска его танковой группой. Что же касается окружения двух советских дивизий третьей и четвертой группами, то успехом этот котел можно назвать только в насмешку, учитывая цену, которую пришлось за него заплатить.

Естественно, безупречные действия командующего второй танковой, выделявшиеся на фоне безуспешных попыток наступления его коллег, не остались незамеченными. Гудериана вызвали в ставку, где на прошедшем недавно совещании главком сухопутными силами фон Браухич предложил сосредоточить все оставшиеся танковые дивизии в одну группу. Ее следовало отдать под командование Гудериана для удара в сторону Харькова. Сюрприз был неожиданным, но очень приятным. Старый фельдмаршал, до сих пор выступавший его оппонентом, наконец-то взялся за ум и понял, на кого надо делать ставку в этой игре.

На вопрос фюрера о возможности такой операции, Быстроногий Гейнц ответил утвердительно. Как же иначе, не отказываться же от такой чести. Напоследок Гитлер предупредил Гудериана:

– Перед началом наступления вы должны успеть овладеть южным берегом Сейма. Ваши войска в состоянии выполнить эту задачу?

– Так точно, мой фюрер, – отрапортовал в ответ бравый генерал, ничуть не сомневаясь в том, что действительно сможет все сделать в лучшем виде.

* * *

Тщательно припомнив недавние события, Гудериан начал записывать:

«Итак, как я и предупреждал, отказ от наступления на Москву в августе привел к тому, что на решающем направлении противник успел укрепиться и тем самым избежал разгрома своих главных сил.

Чтобы спасти Германию от надвигающейся катастрофы, я предложил начальнику генерального штаба генерал-полковнику Гальдеру еще раз вместе с ним отправиться в ставку к

фюреру. В прошлый раз Гитлер к моим словам не прислушался, но теперь происходящие события заставят его это сделать.

На совещании я сразу высказал свою точку зрения о том, что нужно восстановить положение и закрепиться до наступления весны. Для этого, по моему мнению, следует собрать остатки всех танковых соединений и нанести еще один удар по противнику. Курский плацдарм подходит для этого как нельзя лучше. Отсюда я смогу захватить с севера Харьков, а с началом весенней кампании можно будет продолжить наступление и на Москву, и на юго-запад, в сторону Кавказа.

Все присутствующие были против моего плана, но Гитлера мне убедить удалось.

В целом я остался доволен результатами своей поездки, хотя имел все основания полагать, что Гитлера еще могут переубедить. Полагаю, это несложно, ведь он не всегда адекватно оценивает ситуацию. Например, фюрер высказал пожелание, чтобы я в ближайшее время захватил своими подвижными батальонами мосты через Сейм западнее Курска. Но подвижных батальонов уже давно не было, ведь именно об этом я и рассказывал в своем докладе. Но Гитлер живет в мире иллюзий».

* * *

После праздника весь госпиталь гудел, как сумасшедший улей. Все раненые, у кого была хотя бы небольшая надежда на скорое выздоровление, требовали немедленного прохождения медкомиссии, чтобы их признали пригодными к службе. Каждый считал, что предстоящее наступление начнется без него, и спешил поскорее выписаться. И без того взбудораженные обитатели госпиталя пришли в состояние крайнего волнения после трансляции парада. Медикам даже пришлось усилить посты охраны, отлавливающие нетерпеливых раненых, сбегających в свои части.

Жаль, что телетрансляции еще не велись, мне очень хотелось бы увидеть парад вживую. А так пришлось ограничиться радиорепортажем и огромными, во весь разворот, фотографиями в газетах. Вот только изображения парадных колонн, дошедшие до нас на страницах «Правды», отстали от репортажа на сутки. А так посмотреть там было на что. Помимо наших войск, по улицам столицы провели тысячи пленных, наверняка собранных со всех фронтов. Жаль, что сильные морозы пока не начались, и немцы еще не выглядели такими жалкими, как после Сталинграда. Впрочем, некоторые из них, видимо взятые в плен недавно, были укутаны в женские платки и всякое тряпье. Надо думать, конвоиры специально отобрали таких убогих фрицев и поставили их с краю, поближе к зрителям.

Сразу за пленными ехали новенькие танки, что должно было подчеркнуть контраст между поверженным вермахтом и доблестной Красной Армией. После прохода наших «тридцатьчетверок» проехала внушительная колонна трофейной техники. Комментатор пояснил, что множество подбитых немецких танков было восстановлено, и здесь на параде присутствует только небольшая их часть. Это, конечно, преувеличение, но не сильное, трофеев этой осенью хватало. В газетной фотографии я даже смог разглядеть на башне одного из танков «птичку» — опознавательный знак, популярный в бывшей пятой танковой дивизии вермахта. Вполне возможно, что это был трофей нашего полка.

Что очень странно, среди немецких машин не было ни одной переделки в САУ. Впрочем, среди нашей бронетехники самоходки тоже отсутствовали, хотя за два месяца их могли выпустить достаточно, чтобы вооружить несколько дивизионов. Скорее всего, эти новинки пока засекречены, чтобы стать неприятным сюрпризом для немцев.

* * *

Мне, благодаря особому положению, не пришлось толкаться в очереди к начальнику госпиталя. Он сам осмотрел меня и вынес вердикт о том, что раны затягиваются очень быстро.

– Скоро вас можно будет выписать, однако еще нужно получить согласие соответствующих органов.

Теперь я принялся теребить Ландышеву, чтобы она по несколько раз в день отправляла запросы. Требуемые послания, написанные каждый раз во все более возмущенном тоне, уходили, но ответа пока не было. Не знаю, что бы я еще придумал, но тут в очередной раз прибыл Куликов. Первыми словами, которыми я его встретил, был вопрос, когда же я вернусь в свою дивизию.

– Вопрос непростой, – смущенно улыбнулся майор. – Вы уже почти выздоровели и можете вернуться в свое подразделение. Вот только с вашей дивизией вам скоро придется временно расстаться. Нет, нет, пока не перебивайте. Сейчас все поясню. – Куликов шутливо поднял руки, видя, что я собираюсь ринуться в атаку со своими расспросами, и продолжил: – Надо полагать, что абвер тщательно отслеживает все перемещения 179-й стрелковой. Мы этим воспользуемся и перебросим ее на второстепенный участок фронта, чтобы немцы, узнав об этом, начали стягивать туда резервы для отражения нашего наступления. Кстати, именно поэтому вашей дивизии до сих пор и не присвоили звание гвардейской, чтобы фрицы не запутались. Жаль, конечно, ведь вы все заслужили и гвардейский значок на гимнастерке, и двойной оклад. Но поверьте, тут я ничего не могу сделать. Ну, а ваш батальон на всякий случай перебрасывается вместе с вами на другой фронт. Естественно, тоже на спокойный участок. Если немцы начнут перемещать свои резервы поближе к вам, то это опять-таки принесет пользу. К тому же в этом случае мы узнаем, что германская разведка хорошо работает и имеет источники в наших штабах.

Тем временем Ландышева успела заварить и подать нам чай, приготовленный по моему рецепту – с большущей долькой лимона и огромным количеством сахара. Отогревшись, майор пришел в хорошее расположение духа и рассказал, как встретил на церемонии награждения генерала Масленникова, которому нашу дивизию иногда отдавали во временное подчинение.

– Он командир талантливый, – уважительно отзывался Куликов о генерале, – и в то же время храбрый. Лет в двадцать уже командовал полком и бригадой. Опытный пограничник, много лет гонял басмачей. На его счету несколько так называемых ханов. За чужими спинами не отсиживается, его уже раз десять ранили. Вот он действительно достоин звания Героя. Кстати, скажу по секрету, он на вашу часть глаз положил и упрашивал товарища Берия отдать полк ему. Очень уж вы лихо в Торопце действовали. Да и не только там.

– Почему это он просил именно Берия? – подозрительно переспросил я. – Он что, в курсе того, кто меня курирует?

– А, вы, наверно, не знаете. Масленников же является заместителем наркома, и с его назначением командующим армии старую должность никто не отменял.

– Понятно. Но наш полк ему не отдадут. Ведь армии Масленникову предстоит идти в наступление, а мое предназначение, как и прежде, ловить немцев на живца. Ну что же, теперь задавайте вопросы по технике, вы же не для того сюда из Москвы прилетели, чтобы извиняться.

– Сначала расскажу еще кое-что. Наташа, и вы тоже слушайте внимательно. Так вот, за последние недели немцы методично устранили всех, кто хоть что-то знает о вас. В Великих Луках постепенно уничтожен весь личный состав фельджандармерии, а за компанию и других служб, к которым могла поступить соответствующая информация. Ваш знакомый лейтенант Эрих Браун, естественно, тоже попал под раздачу. Его расстреляли, а труп сунули под лед. Тело так и не смогли выловить из реки.

– А вот его мне жалко. Он хоть и немец, но человек неплохой. Браун ведь сам предложил отдать взамен на пленных наших мирных жителей, я его об этом не просил. Но свидетели свидетелями, а обо мне немцы тоже не забыли?

– Разумеется, нет. Все эти устранения вовсе не означают, что вами больше не интересуются. Командование германских войск помнит о том, кто доставил им столько неприятностей. Так что будьте начеку. Ну, а теперь приступим к делу, ради которого я сюда и прилетел.

Дождавшись, пока Ландышева, понявшая намек, выйдет из палаты, Куликов начал пояснять.

– Видите ли, вы человек начитанный и знаете много сведений по истории, но при получении от вас информации есть одно затруднение. Мы не всегда знаем, о чем надо спрашивать, а вы не в курсе, какие еще вопросы для нас актуальны. Поэтому вам и разрешают находиться в действующих войсках, чтобы прочувствовать нынешние проблемы. Вот конкретно сейчас нас интересуют способы дезинформации противника. Помните, как вы пугали немцев урчащими тракторами?

– Ну да, в нашей истории такие фокусы проделывали с румынами. Но если позволяют обстоятельства, то обмануть можно и немцев. Хотя против них лучше применять специальные устройства. Помнится, к концу войны, когда США наконец-то решили повоевать, у них было наготовлено много бронетранспортеров с громкоговорителями и звукозаписывающей аппаратурой. Обратите внимание – громкоговорители могли складываться, и в походном положении машины ничем не отличались от обычной техники. Кроме воспроизведения готовых записей, также можно было транслировать многократно усиленный и наложенный сам на себя звук двигателя машины.

– Шикуют американцы, – завистливо присвистнул Куликов, – броневики у них. У нас для таких целей пока используется обыкновенная агитмашина армейского политотдела с рупорами. А так как их все равно не хватает, то еще будем применять ОГУ – окопные говорящие установки, которые переносят в заплечных ранцах.

– А еще делали просто, – вспомнилась мне одна нехитрая уловка, – под грузовиками подвешивали шарики на цепочке, которые лязгали почти как настоящая гусеница.

– Гениально! – воскликнул майор. – Вот ведь, казалось бы, очевидная вещь, но пока в той истории до этого додумались, пока разъяснили командованию необходимость данных мер, потеряли зря столько времени.

Задав еще пару вопросов, Куликов оставил мне папку с долгожданным приказом, и мы с ним умчались в разные стороны. Он в Москву, а я к главврачу.

Начальник госпиталя не скрывал, что очень рад моему выздоровлению. Нет, конечно, от меня тоже имелась некоторая польза. Главврач был в курсе, что именно сотрудники НКВД выбили для медперсонала большую квоту наград – все врачи получили ордена, а медсестры и санитары постоянного состава – медали. Но непонятные шпионские игры и подозрительные личности, кружившие вокруг странного пациента, выбивали всех из колеи и мешали нормальной работе учреждения. Поэтому, получив на руки необходимое разрешение, Иванов тут же вручил мне заранее подготовленную справку о том, что я находился в госпитале на излечении. Это на случай, если остановит придирчивый патруль. Он также предупредил, что все мои аттестаты: вещевого, продовольственного и денежного, остались в части.

Получив указания разузнать все о транспорте, Ландышева быстро вернулась и предложила выезжать прямо сейчас. Она пояснила, что если я не хочу терять время, то мы можем сразу отправиться своим ходом до Андреаполя, а там вопросом моей транспортировки займется уже особый отдел армии.

– Как мы поедем, на поезде? – уточнил я. Раньше поезда отсюда ходили только на восток, в сторону Торжка. Но к ноябрю до Осташкова уже протянули рокадную одноколейку, сократив тем самым путь по железной дороге к фронту.

– Ага, тратить столько времени, да еще ехать в телячьем вагоне, – презрительно фыркнула сержантша. – Нет уж, раз я получила такие полномочия, то грех было бы ими не воспользоваться. Зашла в ближайшую часть и раскулачила их на машину.

– Что, на полуторку расщедрились? – не поверил я.

– Берите выше, самая настоящая легковушка.

– Не иначе как сломанную подсунули.

– Не-а, все в порядке. Просто тамошний особист пытался от меня отделаться и заявил, что «эмка» имеется, а вот водителей ни одного нет. Думал меня этим отвадить. Естественно, я поймала его на слове, села в машину и уехала.

– Значит, можно собирать вещи?

Пораженная отсутствием адекватной реакции на свой подвиг, Ландышева медленно повторила для контуженых:

– Понимаете, я сама завела, вырулила из бокса задним ходом и подъехала к госпиталю.

– Ну и славно, теперь сможете быстро отвезти меня.

– Хм, конечно, смогу, – смущенно протянула Наташа, потупив глаза. – Вот только, боюсь, мы так дотемна не успеем. Да и как я вас буду охранять, если руки будут заняты.

Ясно, намек понят. Большого опыта вождения у сержанта нет, и максимум, на что хватило ее умения, это проехать полкилометра на первой скорости.

– А давайте поведу я, а вы будете за картой следить.

На этом мы и порешили. Сборы продлились недолго, так как вещей у меня было мало. Ландышева добавила к ним немного продуктов в дорогу и толстую брезентовую сумку с красным крестом, чтобы если что, оказать мне первую медицинскую помощь.

* * *

Когда мы выезжали из поселка, Наташа попросила притормозить у перекрестка, где небольшая группка солдат ожидала попутного транспорта. В старых шинельках, потрепанных шапках или даже в выцветших пилотках, они терпеливо стояли, опершись на изгородь, или сидели на корточках.

Ландышева опять смогла меня удивить. Она вышла из машины и направилась прямо к бойцам, чтобы спросить, есть ли желающие ехать в нужном нам направлении. Вопреки моим ожиданиям, никто не бросился врассыпную, услышав предложение подвезти в распоряжение особого отдела. Впрочем, сержант оказалась намного хитрее, чем я предполагал. Поехали-то мы вовсе не в Андреаполь, а прямо на юг, в Гришкино.

Высадив пассажиров в пункте назначения, Наташа объяснила мне суть своего замысла:

– Если за нами следят, что вполне возможно, учитывая последние события, то шпионы не смогут установить, в какую сторону мы едем.

– Ага, – ухмыльнулся я, – они решат, что мы направляемся не в особый отдел армии, а сразу в распоряжение нашей дивизии. Только не коротким путем, а в объезд, по менее загруженной дороге.

Такая простая мысль ей в голову не приходила, однако опытного сотрудника госбезопасности было не так-то легко переспорить. Ландышева пару секунд подумала и тут же выкрутилась:

– Э, ну, по крайней мере, если кто-то собирается устроить засаду, то мы в нее теперь не попадем.

Недовольная тем, что я нашел слабое место в ее хитроумном плане, Наташа быстро нашла способ реабилитироваться и доказать, что она обладает логическим мышлением. Когда я в очередной раз ругнулся на наши дороги, после того как «эмка» чуть не застряла в глубокой колее, Ландышева ехидно прокомментировала:

– Это вам не в роскошных американских машинах по Нью-Йорку разъезжать, товарищ Андреев.

– А почему вы сделали такое интересное заключение о деталях моей биографии, товарищ сержант госбезопасности?

– Ну, это очень просто, – снисходительно пояснила Ландышева. – В какой стране вы находились все эти годы, догадаться совсем не трудно. Немецкий и французский вы не знаете, зато вам часто присылали газеты и журналы на английском языке.

– Хорошо, это понятно, но ведь я мог жить в Британии или в ее колониях. При вас я на английском языке не разговаривал, и вы не могли определить мой акцент – американский или оксфордский. – Действительно не смогла бы. Понять мой английский можно, только когда я говорю очень медленно, а акцент у меня отнюдь не оксфордский, а скорее «рязанский».

– А вот вы дорогу переходили и машинально посмотрели сначала налево, значит, привыкли к правостороннему движению. То есть Англия исключается. Тот факт, что вы остановились прежде, чем пересечь проезжую часть, говорит о том, что жили вы в огромном городе. Согласитесь, что когда машин на улицах мало, то вертеть головой по сторонам нет смысла. Автомобили – устройства весьма шумные, и их слышно издали.

– Да, вы меня убедили. Вот только почему я ездил именно в роскошных автомобилях?

– Роскошных, конечно, по нашим меркам, а не по заокеанским. Ну, там «Форды» новых моделей или «Чевролеты», рядом с которыми М-1 и рядом не стояла. Например, вы ворчали, что у «эмки» коробка передач всего лишь трехскоростная. Но ведь любому понятно, что для легковой машины этого вполне достаточно. И еще вы пытались отрегулировать сиденье под свой рост. Назад оно, правда, отодвигается, но наклон спинки не меняется, что вас очень изумило. Ну, и всякие мелочи, которым, вернее отсутствию которых, вы удивлялись.

Жаль, что она не знает, в каком детище отечественного автопрома мне раньше приходилось рассекать. Но действительно, по сравнению с М-1 даже «Самара» кажется верхом совершенства.

– Но может, у меня там, в Америке, был «Крайслер» или даже переднеприводный «Корд»?

– Ой, а я помню такую машину. Читала про нее в «Одноэтажной Америке». Там еще фары выдвигаются кнопкой. А дальше рассказывается, как американочки мечтают купить эти машины, только там текст уже неприличный.

Я слегка улыбнулся таким рассуждениям. Наивное дитя не понимает, что все хоть отдаленно напоминающее неприличное советские редакции печатать не будут.

– Но такие дорогие авто их владельцы сами не водят, – продолжила Наташа размышлять, – для этого нанимают личных шоферов. А вот вы привыкли водить автомобиль сами – вон как ваши движения машинальны.

– Все очень логично, – признал я со вздохом ее правоту. – Только начальству о своих догадках не докладывайте.

Но что-то зацепило меня в ее словах. Поразмыслив минутку, не забывая при этом следить за дорогой, я понял, что именно меня так взволновало – американские машины. Пусть в нашей истории первые два года войны поставки по ленд-лизу были мизерными, и мы больше получали трофейных машин, чем союзных. Но в этой войне Сталин наверняка заранее поставит Рузвельту условие – честно выполняйте все договоренности, иначе при разделе мира после победы ваши интересы учтены не будут. Это значит, что свои обязательства США придется выполнять ну хотя бы наполовину, и в СССР скоро начнут поставляться американские грузовики. А вот тут нас ждут проблемы. Тендер на поставку техники выиграют те фирмы, у которых будет ниже цена, что отнюдь не равнозначно высокому качеству. В конце концов, знаменитый грузовик «Студебеккер» сами американцы не использовали, считая его второсортным, и спихивали союзникам. Следовательно, к этому делу надо заранее привлечь наших инжене-

ров, и как можно скорее. Перл-Харбор, который расшевелит Америку и заставит ее отнестись к войне всерьез, уже не за горами.

– Товарищ Ландышева, а вы гений, – искренне похвалил я сержанта госбезопасности.

Услышав такой комплимент, Наташа расцвела, довольная, как мисс Марпл после проведенного расследования. Но ей тут же пришлось спуститься обратно на землю и застенографировать мои мысли, что было настоящим подвигом. Машина подпрыгивала и моталась из стороны в сторону, так что даже просто попасть карандашом в блокнот было сложно.

– Записывайте. В первую очередь учитывать требования техники к качеству горюче-смазочных материалов. Оценить совместимость различных узлов с отечественными двигателями. Крайне важным является ремонтпригодность в полевых условиях, особенно с учетом очень низкой квалификации персонала армейских мастерских. Техническая оснащенность тоже не на уровне. Проще говоря, это не пишите, самыми тонкими инструментами будут лом и кувалда.

Жаль, что я не специалист по машинам, а тем более по допотопным. Нет, устройство автомобиля я в общих чертах знаю, изучал его еще в УПК двадцать лет назад. Но американские грузовики сороковых годов – это для меня темный лес. Пришлось вспоминать сложные споры, касающиеся автотехники, которые я иногда читал на форумах, хотя их смысл до меня не всегда доходил. Но ничего, эксперты по автомобилям у нас найдутся, главное чтобы им дали соответствующее указание. Другой вопрос, сможем ли мы заставить американцев поставлять нам только качественные машины, но это уже забота другого ведомства.

Одновременно с работой ума мне приходилось выискивать взглядом особенно огромные рытвины, замаскированные грязным снегом, и пытаться объезжать хотя бы их. Вот так, совмещая полезное с полезным, я доехал до Андреаполя. Моих мудростей хватило на несколько страничек в блокноте, и для начала этого было достаточно. Осталось только перевести то, что я изложил своими словами, на нормальный бюрократический язык, и получится отличная рекомендация, на основании которой можно будет начинать работать с союзниками.

* * *

Предупрежденные заранее армейские особисты подловили нас на въезде в город и завернули в сторону. Наше маленькое, но очень ценное имущество перегрузили в другой транспорт, который в зимних условиях считался самым скоростным для нашей местности. Это были обыкновенные санные упряжки, которые в количестве четырех штук приготовили для нас и для сопровождающей охраны.

Первый раз в жизни мне приходилось ехать в санях, и к моему изумлению, это оказалось великолепным развлечением. Только теперь я полностью понял знаменитую фразу «какой же русский не любит быстрой езды». Хорошо откормленные и застоявшиеся без дела кони сразу рванули вперед по наезженной колее, норовя перейти в галоп. В санях человек сидит очень близко к земле, и поэтому появляется впечатление огромной скорости, которую не чувствуешь, находясь в салоне автомобиля. Добавляют острых ощущений ледяной ветер и летящие в лицо снежинки. К счастью, возницы старались соблюдать дистанцию, так что ошметки грязи, вылетающие из-под полозьев едущих впереди саней, нам не грозили.

Это путешествие доставило мне самое настоящее удовольствие, и я расстроился, что оно так быстро закончилось. Впрочем, настроение сразу же поднялось, когда я вошел в штаб батальона и встретился с комбатом. Иванов мне тоже обрадовался и сразу же всучил какие-то бумаги. Оказалось, что я должен ехать на полковые склады выбивать у тыловиков необходимое имущество. Видя, что от этой боевой задачи я не в восторге, Иванов начал разъяснять мне важность стоящей перед нами проблемы.

– Ты понимаешь, что нам недолго оставаться в тылу. Вот-вот должно начаться большое наступление, а мы к нему не готовы. Теплой одежды не хватает, зимней смазки пока нет. С

боеприпасами для трофейного оружия вообще дело швах. Мы уже половину пулеметов сдали на склад, потому что стрелять из них нечем. Впрочем, твою роту пока не разоружали, но патронов-то не прибавилось. Для пистолет-пулеметов осталась только половина боекомплекта. Белых маскхалатов тоже дали – кот наплакал. Сухпайками мы полностью не обеспечены. Понимаешь, что это значит, когда нас начнут перебрасывать?

Вспомнив рассказ сержанта Денисова о том, как они три дня шли по горам без еды, я согласно кивнул.

– Да и всяких мелочей тоже требуется немало, – продолжал сокрушаться комбат. – Мы вот когда трофейные МГ брали, то не обратили внимания, что к ним прилагаются асбестовые рукавицы. А как в бою стволы менять стали, то только тогда сообразили. В общем, вот тебе два грузовика, и постарайся вернуть их не пустыми. Вслед за ними я еще пошлю несколько повозок. Если имущество не поместится, останешься у склада и дождешься, пока все не вывезете.

– Ну ты и оптимист. Значит, еще и не поместится, десять рейсов делать придется, так? Да если бы на полковом складе столько имущества имелось, то батальону все бы уже давно выдали. А если ничего нет, то ничего и не дадут.

– Тебе выдадут, – с невероятным оптимизмом возразил комбат. – А чего не найдется в полку, отыщешь на дивизионных складах.

Делать нечего, приказ командира нужно выполнять немедленно, даже не повидавшись со своей ротой, располагавшейся в соседнем селе. Ландышеву мы решили по складам не гонять. Ее вместе с сейфом, хранившим мои бесценные записи, отправили обживать помещение, выделенное для ротного. Свиридова, временно исполняющего обязанности командира роты в мое отсутствие, предупредили об этом по телефону.

– Значит, обменял Авдеева на нового ординарца, – заметил Сергей, бесцеремонно разглядывая Ландышеву, как только она отошла от нас. – Молодец, одобряю твой выбор. Барышня хоть куда.

– Ничего я не менял. Эта, как ты выражаешься, барышня, мой охранник и личный секретарь.

– Вот как, – спросил комбат озадаченно. – А куда же тогда ты своего ординарца дел?

– А он разве не здесь? – в свою очередь удивился я. – А кто же стережет мои вещи? Там среди них есть очень важный блокнот.

– Про блокнот-то я в курсе. Авдеев в моем присутствии сдал его по акту в особый отдел. А вот что с твоим ординарцем стало потом, даже не знаю. Как-то был уверен, что он в госпитале вместе с тобой.

– Очень странно. Письмо от него я получил только один раз, и то там была лишь пара строк. Дескать, выздоравливайте скорее, с ротой все в порядке, ее отвели на отдых и пополнение.

– Про отдых это, конечно, преувеличение, – хмыкнул Иванов. – Ну, да скоро сам увидишь, как твои орлы разомлели от безделья.

Обещанные машины были уже готовы, и мне пришлось заняться непривычной работой снабженца, так и не повидавшись со своими однополчанами. Впрочем, я рассчитывал до вечера вернуться обратно.

* * *

Как ни странно, в штабе полка меня уже ждали. Майору Козлову успели доложить о моем возвращении, и он сразу же перешел к делу, опустив формальности. В тех же выражениях, что и комбат, только в более завуалированной форме, он разъяснил мне плачевное состояние дел в сфере снабжения.

– Моя разведка донесла, что в распоряжение дивизии прибыло значительное количество транспорта с имуществом. Но нам его почему-то отпускают крайне мало. Так что езжайте и попробуйте надавить на снабженцев. Применяйте все средства – звоните в особый отдел дивизии, предъявляйте свои полномочия, насколько это возможно. Вам по линии госбезопасности очередное звание еще не присвоили? Жаль, но все равно у вас имеются рычаги для давления.

Теперь мой караван вырос до десяти машин, и я был переадресован к заместителю командира дивизии по тылу Кончюнасу. Его фамилия напомнила мне о том, что дивизия изначально была литовского формирования. Во время летних боев командный состав из боевых частей понес значительные потери, и был почти полностью заменен. Хотя раненых в основном успевали вовремя эвакуировать, но после излечения их направляли в другие части. Поэтому теперь литовцев у нас можно было встретить только в тыловых частях – среди снабженцев, особистов и политработников. Насколько я помнил, в нашей истории литовцев потом снова соберут вместе из разных дивизий и заново сформируют национальные литовские части.

Узнав фамилию посетителя, зампотыл, носивший звание батальонного комиссара, улыбнулся и позвал меня в избу, в которой он квартировал. Пока грелся чайник, он начал перечислять, в чем нуждается дивизия. Закончил Кончюнас вполне ожидаемым выводом:

– Мы знаем, что у вас в штабе армии есть родственник, заботящийся о том, чтобы нашей дивизии выдавали все положенное.

Услышав это, я испугался, что скоро меня таким образом отфутболят до самого Сталина, дав в сопровождение огромный обоз. Ну да, такая колонна, составленная из транспорта всего фронта, как раз протянется отсюда и до Москвы. Но к счастью, зампотыл оказался опытным снабженцем, понимающим, что так быстро дела не делаются. Поэтому вместо категорического требования привезти все и немедленно, я услышал от него лишь вежливую просьбу:

– Вы, товарищ старший лейтенант, сможете донести до сведения командующих ситуацию, сложившуюся со снабжением?

– Помочь не обещаю, запасы имущества и боеприпасов у страны не бездонные, но сообщить куда надо, сообщу. Пишите список, товарищ батальонный комиссар, и я его передам.

– Вот и замечательно. – На столе передо мной волшебным образом появилось несколько листов с отпечатанным на машинке перечнем недостающего имущества. – Еще обратите внимание, что форму надо присылать в достаточном ассортименте. А то вот всучили нам полуботинки одного размера, и не знаешь, плакать или смеяться – у одних бойцов руки по локоть из рукавов выглядывают, а другим они велики. С обувью еще хуже. А про лыжи и лыжные палки, наверно, никто и не вспомнит, что их тоже желательно выбирать по росту. Вот, например, у нас самые длинные лыжи двухметровые. А для вас, – Кончюнас бросил оценивающий взгляд на мою фигуру, – нужны длиной два десяти.

Как ни странно, но перечисление таких проблем меня радовало. Пусть далеко не все было гладко, но самое главное, что наша армия начала серьезно готовиться к зимнему наступлению. В наше время много говорили о том, что вермахт не подготовился к зиме. Это, конечно, так, но на самом деле и в РККА положение было не намного лучше. Теперь же, не без моего вмешательства, лыжников будет гораздо больше, чем в прошлой истории, и учить их начали заранее.

Убедившись, что я проникся всей глубиной проблемы, зампотыл уступил место начпроду дивизии Смирнову. К счастью, он тоже заготовил список заранее и просто вручил его мне без всяких нотаций.

К этому времени уже все было готово для чаепития. Увидев аппетитные плюшки, я вспомнил, что весь день ничего не ел, и решительно придвинул блюдо поближе к себе. Раз меня тут решили использовать, то надо хоть что-то с этого получить. К тому же мне стало интересно, где пекут лучше – в госпитале или у снабженцев. Но, к сожалению, сравнительная дегустация хлебобулочных изделий сорвалась в самом начале. Смирнов, недавно вышедший

от нас в самом приподнятом расположении духа, внезапно вернулся, сжимая в руке маленький «вальтер», такой же, какой был у лжеврача.

– Юозас, – закричал он с порога, – немцы прорвались.

– Что? Где? – спросили мы одновременно.

– В Зуево. Мне только что сообщил об этом Гольдас, особист из 137-го противотанкового дивизиона.

Реакция возмущенного Кончюнаса была бурной. Тоже вытащив из кобуры пистолет, он выскочил на улицу, разгневанно крича:

– Где этот паникер Гольдас? Какие могут быть в Зуево немцы? Ведь там пекут хлеб для всей дивизии!

Из оружия у меня с собой имелся только бинокль, и я решил им воспользоваться, чтобы прояснить обстановку. Взобравшись на чердак, я осмотрел окрестности, ожидая, что вот сейчас крышу прошьет пулеметная очередь, засыпав меня щепками. Но ни выстрелов, ни взрывов пока не наблюдалось, что меня немного успокоило. Раз непосредственная опасность нам пока не грозит, то мы успеем подготовиться к встрече.

Как старший по званию, Кончюнас уже энергично приступил к организации обороны силами своих тыловинов. Все автомобили и повозки, с которыми я сюда прибыл, тут же были реквизированы. Одни использовались для связи, другие для разведки, третьи послали за помощью в ближайшие гарнизоны.

Меня, как знатока трофейного оружия, назначили инструктором по обучению стрельбы из немецких карабинов. На расположенном здесь складе имелось множество трофейных маузеров и даже завалялась парочка МГ. Патронов, правда, было мало, но для короткого боя вполне хватало. После краткого курса обучения вверенный под мое начало хозвзвод принялся окапываться на окраине села. Конечно, бойцы из них были аховые. Половина взвода оружия в руках раньше не держали, а остальные хотя и имели винтовки, но не знали толком, как ими пользоваться. Пулемет же я никому доверить не мог, и поэтому назначил себя первым номером расчета.

Всю ночь наш грозный отряд не смыкал глаз, но, наконец, с рассветом была получена команда «отбой». Оставив усиленные патрули охранять село, всех остальных бойцов отпустили отдыхать. Меня вызвали к Кончюнасу, который, несмотря на тревожную ночь, выглядел довольным, хотя и усталым. Он весело отчитывался по телефону перед командующим дивизии, и, судя по его тону, все закончилось хорошо.

– Уж извините, – обратился он ко мне, когда положил трубку, – вашу автоколонну мы раздергали по всем направлениям и быстро собрать всех сразу не сможем. В штаб вашего полка я позвонил и ситуацию обрисовал. Так что никто вас обвинять в происшедшем не будет.

Теперь, когда все утряслось, Кончюнас смог сообщить собравшимся у него командирам полную информацию о прорыве:

– Немцы смогли просочиться в наши тылы силами одной роты, воспользовавшись тем, что реки и болота покрылись льдом. Своей целью они ставили уничтожение штаба нашей дивизии. Но, к счастью, хваленая германская разведка на этот раз подвела, или же наши контрразведчики хорошо сработали. Вместо штаба немцы наткнулись на обычное тыловое подразделение. Когда они поняли свою ошибку, уходить им уже было поздно. С нашей стороны их блокировали один инженерно-минометный и два стрелковых батальона. А со стороны дивизии первой линии, проглядевшей прорыв, перебросили почти целый полк. Вот, товарищи особисты только что прибыли оттуда.

Кончюнас представил нам Рукавишникова, который находился в минометном батальоне в течение всей операции, и Яцовска, конвоировавшего пленного диверсанта и внезапно застигнутого огнем прорвавшихся немцев. Похоже, что последний выжил просто чудом – от кобуры у него остались одни лохмотья, у рукоятки нагана, заткнутого за пояс, отбита правая

щечка. Но тем не менее пленного он все-таки доставил, и даже не считал, что сделал что-то особенное. Сейчас особисту принесли сухую одежду, а Рукавишников, который оказался его старым другом, уговаривал Яцовскиса выпить водки. Тот сначала пытался возражать:

– Ты ведь знаешь, Анатолий, я убежденный абстинент и спиртного не пью.

«Ну да, – усмехнулся я про себя, – как раз знаю одного такого же непьющего».

Рукавишников считал так же и продолжал настаивать:

– Пей, черт побери. Это для тебя не водка, а лекарство от воспаления легких! Пей, говорю!

Разумеется, такой аргумент подействовал. Против лекарства возразить было нечего.

Вернувшись к прерванному разговору, Кончюнас пообещал мне, что большую часть требуемого он нашему полку выделит в течение двух дней. Одну из реквизированных машин мне вернули сразу, да еще загруженную вещами, и я наконец-то мог отправиться обратно.

* * *

Сдав выбитое таким трудом имущество комбату, я поспешил к своим. Надо заметить, селения в этих местах были небольшие, и чтобы разместить бойцов с удобствами, каждую роту расквартировали в отдельной деревне.

В расположении роты все, на первый взгляд, было прекрасно, придраться не к чему. Бойцы не просиживали без дела, а занимались лыжной подготовкой. Оседлав холмик, первый взвод разучивал подъем разными способами – елочкой, лесенкой, зигзагом. А взобравшись наверх, бойцы осваивали торможение при спуске.

Второй взвод тем временем топтался на месте, пытаясь научиться различным способам поворотов – упором, ножницами и переступанием. Ну а последний взвод, судя по звукам стрельбы, занимался огневой подготовкой. Увидев меня, бойцы не стали останавливаться, а наоборот, быстрее затопали, чтобы показать, как они стараются.

Мой блудный ординарец как ни в чем не бывало сидел в доме, выделенном для меня, и чистил свой наган. Радость от встречи он высказал, но немного рассеянно, как будто отсутствовал всего пару дней.

– Вот, – кивнул он на разобранное оружие, – товарищ Ландышева посоветовала убрать подальше немецкий пистолет и вернуться к табельному оружию. Ведь револьвер гораздо надежнее магазинного оружия. Да и патронов к трофейному оружию у нас маловато.

– А, ну как знаешь, – не стал я возражать. – Тебе виднее. Да, а где же она сама?

– Отправилась ругаться с полковым особистом, чтобы он вернул ваше имущество. Мы с ней уже успели познакомиться, и я в курсе, что она моя коллега. И что приятно, она очень даже прехорошенькая. А еще спортивная и высокая.

– Что высокая, это, конечно, плюс. Но с другой стороны, приятно, когда девушка тебе по плечо – сразу чувствуешь себя большим и сильным. А Наташа, если каблуки наденет, то будет почти с меня ростом. Ну а с вами так вообще сравняется.

– А вы видели, какие у нее глаза? – каким-то подозрительно мечтательным тоном спросил Авдеев.

– Глаза? Как-то не обратил внимания. Девушка не в моем вкусе, и к тому же мой подчиненный. Вот ее наган я хорошо рассмотрел. Причем заметил, что кобура у нее черного цвета, а ремешок, которым револьвер крепится, коричневый. Непорядок. Еще ножик у нее есть обалденный. Хотя складной, но сделанный на заказ – оснащенный надежным фиксатором и с толстым лезвием из отличной стали. Думаю, таким можно гвозди рубить. Правда, Ландышева почему-то не позволили мне провести такой эксперимент, как я ее ни уговаривал.

– Эх, тоже мне беда, – вздохнул ординарец. – Вот если бы что другое не позволила... А вы знаете, что она кандидат в мастера спорта по стрельбе?

– Подумаешь, – пожал я плечами, – вот если бы она умела фехтовать, тогда другое дело. Может, стоит показать ей основные позиции?

Внезапно Авдеев нахмурился и бросил на меня взгляд исподлобья.

– А ей это нужно? – нарочито равнодушным голосом произнес он. – В современном бою важнее плотность огня, точность и темп стрельбы. Ну и еще диверсантам надо уметь заколоть часового.

Да он что, взревновал, что ли?

– Да, пожалуй, так и есть, – поспешил согласиться я, – фехтование – это развлечение для мирного времени.

– А что за основные позиции? – снова оживился Авдеев.

– В классическом фехтовании существует шесть основных стоек: две нижние, две средние и две высокие. По две, потому что клинок можно держать как справа от себя, так и слева.

– А, понятно. То же, что и в фехтовании штыком, только там их всего четыре. А ведь можно еще держать оружие не справа или слева, а посередине.

– Нет, нельзя ни в коем случае. Ведь тогда фехтовальщик не будет знать, с какой стороны ему отбивать клинок противника. Еще есть свои нюансы в случае боя парным оружием, но это не для новичков. А самое интересное, когда противник левша, только мне такие редко встречались.

– Да, а Наташа умеет неплохо стрелять и левой рукой. Наверно, она ею и фехтовать смогла бы, – проговорил Павел, но, заметив вспыхнувший у меня в глазах интерес, тут же постарался его погасить: – Впрочем, нет, не смогла бы. Насколько я понимаю, тут потребуются месяцы тренировок.

Тут неожиданно Авдеев вспомнил волнующий его важный вопрос и осторожно спросил меня:

– Товарищ командир, вот у нас в роте очень многих награждали. Как вы полагаете, мне медаль положена, я ведь тоже участвовал в боевых действиях?

– А ведь вы правы, если вас до сих пор не наградили, то это непорядок. Сейчас же позвоню Соловьеву.

С особистом дивизии меня соединили быстро, и он объяснил, что Авдеева уже ждут орден Красного Знамени, медаль «За отвагу» и приказ о представлении очередного звания. Если бы мой ординарец не пропадал неизвестно где, то давно бы все это уже получил.

Мы решили, что как только Ландышева сменит его на посту, он тут же поедет к Соловьеву. А пока, закончив с чисткой оружия, Авдеев решил привести себя в порядок. Меня же уже давно терпеливо дожидался ротный писарь Макаров с огромной кипой бумаг, и навалившиеся дела сразу заставили забыть и о Ландышевой, и об ординарце, где-то отдыхавшем так долго.

Но вот Авдеев, закончивший прихорашиваться, предстал передо мной и заявил, что готов ехать. Результат меня просто поразил, таким нарядным я его еще ни разу не видел. Каждая складочка одежды была отглажена, волосы тщательно причесаны. Как завершающий жест, Авдеев достал флакончик одеколона, который я никогда у него прежде не видел, и надушился. В общем, в таком виде можно ехать не то что в дивизию, но и в Кремль. Общее впечатление портила только оставшаяся невыбритой полоска щетины над верхней губой. На мой взгляд, это его нисколько не украшало, о чем я тут же и высказался.

– Да мне это тоже не очень по душе, – пожал плечами ординарец, рассеянно взлохмачивая волосы на макушке, которые он перед этим тщательно зачесывал. – Но Ландышевой нравятся усы, вот я и решил их отпустить.

Ах, вот в чем дело. Ну, все, пора мне с ней поговорить. До этого сержант зарекомендовала себя как девушка здравомыслящая и порядочная. Иногда даже слишком порядочная. То,

что она не давала мне поболтать с хорошенькими медсестрами, мотивируя это соблюдением режима секретности, я ей прощать не собирался.

Ждать Авдееву долго не пришлось, у крыльца уже стояла полуторка, привезшая его сменщицу. Но вместе с ней прибыл не полковой особист Танин, а незнакомый пухленький энкавэдэшник, которого я раньше не видел. Он представился как лейтенант НКВД Кругликов. Как только Авдеев помчался искать ротного ездового, чтобы уехать в дивизию, я попросил Ландышеву на пару слов.

– Да ничего я такого не говорила, – изумилась сержант. – Просто он замучил меня вопросами о том, что я предпочитаю и что мне больше нравится. Ну я и поддакнула ему, чтобы он отстал. Дескать, да, усы мужчине украшают.

Ну вот, теперь все становится на свои места. Ландышева уже вдоволь насмотрелась на военных, и мой ординарец ее ничем не привлекал. А вот Авдеев, наоборот, совсем потерял голову. Это не удивительно, ведь в лице Наташи он встретил свой идеал.

* * *

Процедура передачи моих «ценных» предметов надолго не затянулась, хотя кроме блокнота перестраховщики из органов взяли на хранение все мои вещи, включая оружие. Какую особую ценность они могли представлять, непонятно, но порядок есть порядок. Желая поскорее закончить с формальностями, я быстро кивал, подтверждая идентичность предметов, а Ландышева расписывалась в ведомости напротив каждой позиции. Наконец, привезенный особистом баул опустел, и я было вздохнул с облегчением, но тут всплыла новая проблема.

– А где «кольчуга полуторная, из блестящего металла, одна штука», – грозным голосом спросила сержант госбезопасности.

– Здесь, – довольно похлопал себя по животу Кругликов. – Лично берег ее, а то мало ли, опять немецкий прорыв будет.

Ага, как же. Он ее берег, а не наоборот. Вот это лейтенант сделал напрасно. Никогда, ни при каких обстоятельствах я не позволял надевать свои доспехи тем, кто не умеет с ними обращаться. А если этот Кругликов вспотеет, и его едкий пот пропитает кольчугу? Она хоть и сделана из никелированной проволоки, но заржаветь может запросто. Я тотчас же начал мысленно перебирать угрозы, которые сейчас обрушу на голову незадачливого лейтенанта. Сослать в Сибирь? Разжаловать и отправить на фронт? Пригрозить, что заставлю его разобрать кольчугу, протереть каждое колечко и собрать обратно? Однако мои кровожадные планы уступили место голосу разума, и мне стало ясно, как лучше всего отомстить.

Я миролюбиво улыбнулся Кругликову и совершенно ровным голосом заявил, что никаких претензий не имею:

– Снимайте ее и сдайте сержанту госбезопасности, а мне надо работать. Всего хорошего.

Крайне довольный своей местью, я удалился в комнату, где размещался мой штаб, и начал перебирать бумаги, довольно улыбаясь. Писарь смотрел на меня с недоумением, не понимая, почему командир так странно хихикает. Наконец, я сжалился над ним и пояснил:

– А вы пройдите в зал, как будто между делом, и посмотрите.

* * *

Когда Макаров вернулся, работа окончательно застопорилась. Теперь мы оба посмеивались, с трудом сдерживаясь, чтобы не расхохотаться во весь голос. Бойцу было смешно от того, что он увидел, ну а я, даже не глядя, хорошо представлял себе, как сейчас мучается Кругликов. Надеть кольчугу, даже меньшего размера, очень легко. То, что пузо у энкавэдэшника было сантиметров на тридцать больше моего, значения не имело. А вот снять ее, не зная, как это

правильно делается, очень трудно. Ну а если она еще мала, то процесс превратится в самое настоящее мучение.

Примерно через полчаса после начала экзекуций, наконец, вошла Ландышева и спросила, можно ли помочь страдальцу. Мы в это время сидели с надутыми щеками, изо всех сил удерживая рвущийся наружу смех и держа для вида какой-то приказ.

Наталья же выглядела более чем серьезной, но, посмотрев, что мы держим в руках, она язвительно захихикала:

– Учите писаря читать вверх ногами, товарищ командир? Полезный навык.

Действительно, бумажки, которые я и Макаров второпях схватили, как только она вошла, мы держали вверх ногами. Но вот напрасно сержантша ехидничает над своим начальством. И в качестве урока я приказал ей лично оказать товарищу Кругликову содействие.

Между тем писарь решил, что было бы нечестно лишать сослуживцев такого зрелища, и отправил посыльного за Стрелиным, под предлогом того, что в списке его взвода нашлась какая-то неточность. Старший сержант тоже быстро сообразил, что развлечениями надо делиться, тем более что у красноармейцев их так мало бывает, и ко мне скоро повалил поток посетителей. В принципе, хотя их еще не вызывали, но они имели полное право зайти к командиру, тем более после его долгого отсутствия. И лишь когда все взводные и отделенные командиры полюбовались на несчастного энкавэдэшника, я решил наконец-то сжалиться над ним.

* * *

Зрелище, представшее мне, оказалось еще сногсшибательнее, чем я мог предполагать. Кругликов стоял на коленях, задрал руки вверх, а возвышавшаяся над ним Ландышева изо всех сил тянула кольчугу за ворот. Рядом за столом расположились Свиридов и Коробов, которые с каменными лицами, достойными индейских вождей, рассматривали большую карту местности. Сидели они, естественно, спиной к стене, так что могли хорошо видеть происходящее.

Я постарался изобразить крайнее изумление и сделал подчиненной выговор за то, что она так долго возится:

– Ай-яй-яй, товарищ Кругликов, что же это Ландышева так над вами издевается. Почему она не объяснила, что снимать кольчугу надо стоя, низко нагнувшись.

Применив правильную методику, мы совместными усилиями быстро справились с задачей и с извинениями отправили измученного энкавэдэшника обратно. При этом Наташа глазами метала в меня молнии, но говорить ничего не осмеливалась.

«Вот же Авдеев выбрал себе даму сердца, – подумал я раздраженно. – Намучается он с ней».

Но долго размышлять над чужими амурными проблемами мне не дали, так как предстояло принимать дела и знакомиться с текущей обстановкой. Списки имущества и личного состава, отчеты о проведении учений, различные инструкции и приказы, которым начальство нас просто заваливает. Присев за стол, я несколько часов не поднимал головы, пока меня не потревожил вернувшийся ординарец.

– Беда, товарищ Соколов, – произнес он, ввалившись в комнату, и тяжело прислонившись к косяку двери.

Я сразу же подскочил к полемому телефону, стоявшему на столе, и быстро спросил:

– Где немцы прорвались? Какими силами?

– Да нет немцев, я говорю про Ландышеву.

– А с ней-то что случилось?

– Представляете, товарищ командир, она старше меня, – убитым голосом произнес Авдеев и, понизив голос до трагического шепота, добавил: – Причем намного, почти на год.

– Вот черт, – я в сердцах швырнул телефонную трубку, которую до сих пор держал в руке. – Не надо со мной так шутить, я после вчерашнего немецкого прорыва стал очень нервным.

– Да какие шутки. Я был у особиста дивизии, – тут Авдеев запнулся и взглянул на ротного писаря так, что тот пулей вылетел из дома, не спросив у меня разрешения. – Ну так вот. Он вручил награды, очень меня хвалил, поздравил с очередным званием, и я осмелился спросить его про Наташу. Соловьев решил, что раз мне с ней вместе работать по охране такого важного объекта, то я должен все про нее знать. Вот таким образом я и узнал об этом.

Ну просто детский сад! С моей точки зрения, проблема не стоила выеденного яйца. Ну и что такого, если его пассии уже исполнилось двадцать три. У меня множество знакомых женились на девушках старше себя. В одной паре разница вообще составили двенадцать лет, однако жениха это не остановило.

Все эти соображения, только с добавлением эмоционально окрашенных идиом, характеризующих моего ординарца, я и высказал Авдееву. Наконец, поддавшись уговорам старшего товарища, он согласился с логическими доводами.

– Ну ладно, черт с ним, с возрастом.

– Вот, другое дело, – обрадовался я. – Главное, что у вас звание выше, чем у нее. Устройте вечером праздник, наденете орден. Ну а я буду рассказывать ей про ваши подвиги.

* * *

Праздник у Авдеева не очень-то получился. Правда, стол он накрыл отменный. Сразу нашлись и колбаса, и фрукты, и даже конфеты. Вместо спирта или водки на стол выставили вино, так как предлагать что-нибудь покрепче поборнице здорового образа жизни мы не решились.

Однако на протяжении всего застолья молодежь молчала. Ландышева, как работница органов, не имела права рассказать нам детали своей биографии и, в свою очередь, не могла задавать вопросы нам. Авдеев же сидел с каменным лицом и в течение часа не проронил ни звука.

Наконец, мне надоело отдуваться за других. Не хочет сладкая парочка беседовать в тесном кругу, ну и ладно. Выглянув в соседнюю комнату, я нарочито громко крикнул связисту:

– Ну где там весь командный состав, уже устал их ждать. Пусть все бросают и приходят орден обмывать.

Звать два раза никого не пришлось. Через минуту политрук роты и все командиры взводов уже сидели за столом и толкали здравицы за лучшего снайпера фронта. Веселей от этого виновник торжества не стал, но, по крайней мере, мне больше не приходилось чесать языком.

Перед отбоем, когда все уже разошлось спать, я решил поговорить с ординарцем начистоту:

– Послушайте, Авдеев, раз вы влюбились, то найдите в себе мужество и признайтесь ей во всем. Откажет, ну и ладно. По крайней мере, будет какая-то определенность.

– Не могу я, товарищ командир. Хоть приказывайте, но не могу.

– Ну хорошо. Меня вроде как назначили личным порученцем Меркулова, не так ли? Так вот, если вы с ней не поговорите, то я выпишу справку о том, что вы с Ландышевой являетесь законными супругами. – Я вовсе не был уверен в наличии у меня таких полномочий, но, судя по реакции Авдеева, они у меня действительно были. Хотя, возможно, у него, как и у всех влюбленных, просто отключилось логическое мышление. Знаю, сам бывал в таком состоянии.

– Нет, прошу вас, не надо. Но говорить с ней о любви я боюсь.

– В чем дело? – не мог понять я, – Вы же под огнем никогда не боялись и хладнокровно отстреливали вражеских пулеметчиков и офицеров. Что страшнее – немецкие танки или Ландышева?

– Конечно она! То есть нет. Она совсем не страшная, а даже наоборот, но я боюсь.

Так мы и не продвинулись с ним в этом вопросе. Уже засыпая, я вспомнил, что из-за всей этой канители так и не узнал, что делал Авдеев, пока я лежал в госпитале.

* * *

Проснувшись до рассвета, я заставил себя опять сесть за стол разбирать накопившиеся документы. Закончив наконец-то тягомотину с самыми неотложными бумагами, я полюбопытствовал у Свиридова с Коробовым, что они чертят на карте.

– Готовимся к учебному походу, – ответил мой зам. – Сегодня нам предстоит пройти на лыжах два десятка километров.

– Восемнадцать, – поправил политрук. – Вы, товарищ командир, не беспокойтесь, мы все организовали, да и лыжный марш у нас уже не первый. Я опытный охотник и знаю все про выживание в лесу. Да и Свиридов родом с Урала – практически сибиряк. Вы, если хотите, можете остаться и разбираться с канцелярщиной. Сразу после госпиталя длительные марши вам, наверно, противопоказаны.

– Ничего, – обиженно пробурчал я в ответ, – дойду.

– Тогда пусть ваш ординарец получит у старшины лыжные комплекты для себя и для вас. Выход через сорок минут.

* * *

В назначенное время мы с ординарцем, облаченные в зимнее обмундирование, стояли, пристроившись к хвосту колонны. Здесь я мог наблюдать за бойцами, а они, в свою очередь, не замечая, что их командир не очень-то умело обращается с лыжами. На лыжах я последний раз ходил в детстве, то есть больше двадцати лет назад, и хотя основные навыки у меня остались, но требовалось еще как следует потренироваться.

Как оказалось, маршрут был тщательно продуман. Сначала он пролегал по ровному полю и даже захватывал накатанный проселок. Легкий участок должен помочь неопытным лыжникам приспособиться и войти в ритм. И только потом отряд перешел на снежную целину.

Организовано все было, как положено. Далеко по сторонам мелькали походные охранения, составленные из самых опытных солдат, прикрывающих нас от немецких диверсантов. Хотя вряд ли они тут водятся, но порядок есть порядок.

На открытых участках мне хорошо была видна вся колонна. Чтобы она сильно не растягивалась, мы двигались по двум параллельным лыжням. Передовые бойцы, торящие путь, быстро выбивались из сил, хотя для этой работы назначили самых крепких и выносливых. Поэтому через каждые километр-полтора их заменяли. Заметив, что мой ординарец дышит спокойно, будто гуляет по бульвару, политрук махнул ему палкой и крикнул:

– Авдеев, вперед, на лыжню.

Через пятнадцать минут взмокнувший и тяжело дышащий гэбэшник вернулся ко мне, и теперь уже я замедлял шаг, чтобы он не отставал от меня. Впрочем, к Авдееву быстро пришло второе дыхание, и он опять легко заскользил широкими шагами. Видно было, что нагрузка для него небольшая, и поход доставляет моему ординарцу удовольствие. Я о себе того же сказать не мог. Хорошо еще, что все лето не забывал ежедневно пробегать по три километра, так что совсем растренированным меня назвать нельзя. Еще у меня имелось большое преимущество

перед другими красноармейцами – это длинные ноги, дающие огромную фору на больших дистанциях.

Но постепенно я начинал уставать, да и автомат все время мешал, как бы я его ни вешал. Ну почему конструкторы не додумаются прицепить к оружию два ремня, как на колчанах. Один ремень перекидывается через плечо, а другой прицепляется к поясу. Стрелять тогда, конечно, не получится, но в походе самое то, что нужно.

Вскоре путь стал проходить через густые заросли. Говоря языком двадцать первого века, мы перешли на третий, самый сложный уровень. Уворачиваясь от веток и глядя под ноги, чтобы не налететь на корень, я начал проклинать этот тяжелый марш. И тут вспомнилось, как в фильме «В зоне особого внимания» разведгруппа десантников также бежит по лесу, и кто-то из них напевает песенку Винни-Пуха. Уцепившись за эту идею, я решил, что хуже все равно не станет, а так можно будет отвлечься от трудностей пути. Все так и вышло. Вот только вместо безобидной песенки я машинально начал напевать пародию, написанную остроумными кавээнщиками из команды РУДН. В ней они показали, что получилось бы, если бы саунд-трек к мультфильму писала группа «Ария».

Медведь – с поросенком – за медом – идут,
О жизни – и смерти – беседу – ведут.
Раскатами – грома – по лесу – летит
Тяжелая – поступь – свинячьих – копыт.

Ритм как раз был подходящий для бега, на каждом выдохе я произносил одно слово. Заинтересовавшись моим вокалом, Авдеев переместился поближе, с интересом прислушиваясь.

Коварные речи, а в лапах ружье,
Вселенское зло забирает свое.
С рассветом мишутка отправится в бой,
За мед он заплатит бессмертной душой.
Шары над медведем – два дивных крыла,
Но смерть улыбнулась ему из дупла.
И понял герой, что попал на крючок,
И голос с небес прокричал: Стреляй, Пятачок!

Узнать о том, попал ли Пятачок в цель, Авдееву не пришлось. Сновавший вдоль колонны Михеев услышал неправильные стихи и, пользуясь своим правом заместителя политрука, тут же сделал мне замечание:

– Так, что это тут у нас? Декадентствующая поэзия упаднической эмигрантской культуры? Если бы товарищ Коробов это услышал, ему бы точно не понравилось.

Мудреные слова, которые мы не ожидали услышать от простого сельского парня, просто ошеломили нас. Усилило комический эффект то, что замполитрука при этом еще неодобрительно покачивал головой. Это движение, совершаемое синхронно с ритмичными взмахами рук, переставляющими лыжные палки, окончательно нас добило, и мы с ординарцем повалились в снег, давась от хохота. Хорошо еще, что мы шли замыкающими, а то бы устроили кучамалу.

Замполитрука, недовольный нашей несерьезной реакцией, решил продолжить свою нотацию:

– Вам, товарищ Соколов, следует поменьше афишировать свое не совсем безупречное происхождение, а вы, товарищ Авдеев, приставлены к командиру, чтобы отучить его от вредных заграничных привычек.

– В смысле от трезвости? – буквально всхлипывая от хохота, поинтересовался я. – Какие у меня еще были вредные привычки?

– Не шутите так. Хорошо еще, что вы не из дворян, а из белоказаков.

Вот это да, еще один мисс Марпл нарисовался. Я никогда не скрывал, что мои родственники живут на Дону, в Сталинградской области, и можно догадаться, что большинство из них действительно воевали на стороне белых. Но тут он уже перегнул палку.

– А что вы имеете против дворян? Ленин был потомственным дворянином, Алексей Толстой вообще граф и был в эмиграции. А он, между прочим, лауреат Сталинской премии.

Однако переспорить даже начинающего политрука было непросто. Загнанный в угол, он тут же сумел выкрутиться:

– Советская власть оценивает людей не по их предкам, а по делам. Вот вы оба пока даже не кандидаты в члены партии. А значит, вам над собой нужно еще много работать.

С высоты своего рабоче-крестьянского происхождения, ну если честно, то просто крестьянского, Михеев чувствовал себя неизмеримо выше всяких там графьев. Однако для серьезного спора одних чувств было недостаточно. Необдуманно начав перепалку, он явно переоценил свои силы. Авдеев, как и знакомые мне фээсбэшники, изучал прикладную психологию и сразу нашел, чем уколоть собеседника:

– Вам прекрасно известно, что за границей командир выполнял задание советского правительства. А вот чье задание выполняли вы, находясь в плену и помогая немцам разгружать боеприпасы? Что вам мешало залезть в ящик со взрывателями и разнести всю станцию к чертовой матери?

Упреки, безусловно, были несправедливыми, но помощник политрука сам напросился. Получив удар ниже пояса, он тут же ретировался с поля брани.

– Вот будут просить характеристику для приема Михеева в партию, напишу, что он еще не готов, – злорадно прокомментировал я его отступление.

– А особист подтвердит, – поддержал меня Авдеев. – Мы его из плена вытащили, откормили, дали шанс реабилитироваться, а он нас же и упрекает.

– Соловьев говорит про таких людей, что их нужно списывать на берег. Вот только куда нам списать этого выскочку, если мы уже на берегу?

Искренне негодуя, мы тем не менее вовсе не собирались выполнять свои угрозы. Пусть к своим обязанностям Михеев относился слишком серьезно, но в бою на него всегда можно было положиться. Любой из нас без колебания пошел бы с ним в разведку.

* * *

Между тем марш продолжался, и с каждым километром идти мне становилось все труднее. Впрочем, не только мне. К усталости добавился новый фактор, мудро предусмотренный организатором тренировки. Теперь отряд двигался по густому лесу, что стало для многих начинающих лыжников настоящим испытанием. В другом случае мы бы постарались обогнуть самые буреломные места и пройти через елани – так называются открытые промежутки между рощами. Но в реальных боевых условиях выходить на открытую местность слишком опасно.

И вот мы уже на самом сложном уровне. Лыжи ломаются, крепления рвутся. В густых зарослях неопытным бойцам приходится спешиваться и нести свой транспорт на плече. Привалы, по всеобщему мнению, слишком редкие и невероятно короткие. Как ни уверял Коробов, что все делает строго по наставлениям, но ему почему-то никто не верил. А еще мы с Авдеевым

совершенно точно установили, что на привале все наши часы начинают безбожно спешить, а во время марша, наоборот, практически останавливаются.

К счастью для неопытных лыжников, нас сопровождала санная упряжка, на которой везли запасные лыжи. Туда же мы уложили неловкого бойца, подвернувшего ногу.

Как я прошел последние километры, не помню, но кажется, от всех не отстал. На поляне, где остановилась рота, все бойцы повалились и замерли без движения, благо теплые полушубки и ватные брюки позволяли лежать прямо на снегу.

Несмотря на нывшие мышцы, привыкшие в госпитале к безделью, настроение у меня сразу приподнялось. Шутка ли, совершить такой марш, да еще и уложиться в нормативы времени. Улыбаясь во весь рот, я начал помогать бойцам, таскавшим хворост для костра, – несмотря на усталость, командир должен подавать всем подчиненным пример бодрости и выносливости. К своему удивлению, я обнаружил, что все бойцы почему-то хмурые и невеселые. Тут явно кроется какой-то подвох, о котором мне ничего не известно. Почуввав неладное, я подозвал Свиридова и спросил, что у нас дальше по плану.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.